

**Слова на первую седмицу Великого поста
святитель Иннокентий, архиепископ
Херсонский и Таврический**

Слово в неделю сыропустную, огласительное

«Востани спяй, и воскресни от мертвых и осветит тя Христос» (Еф. 5:14)

По милосердию Господа, мы опять у поприща Святого поста и покаяния! – Некоторые из среды нас, кои вместе с нами в прошедшем году приступали к исповеди и святой трапезе, восхищенные Ангелом смерти, стоят теперь перед Престолом правды Божией; а мы стоим паки пред Престолом милосердия!.. За ними, или перед ними, двери чертога Царского уже затворились; а перед нами еще отверсты!.. Их жребий, может быть, уже решен невозвратно; а наш – еще в собственных руках наших! Возблагодарим же Господа, не погубившего нас с беззакониями нашими, и снова дарующего нам все средства к покаянию!

Как и чем возблагодарим? – Неукоснительным и верным употреблением сих самых средств к своему спасению. Говоря таким образом, мы не предполагаем, братие, чтобы кто-либо из вас проводил прежние Святые Четыредесятницы вовсе не похристиански; тем паче чтобы кто-либо из вас намеренно удалялся Святых Таинств Церкви: напротив, мы полагаем, что каждый из вас каждый год, притекал к святому алтарю для принятия отпущения грехов и для таинственного соединения с Господом и Спасителем своим через причащение Тела и Крови Его; думаем даже, что все сие каждый раз не оставалось бесплодным для души, и оставляло благотворный след во всей вашей жизни... Но, братие мои, несмотря на все это, позвольте предложить вам ныне один вопрос: столько раз приходя во лечебницу духовную, толикократно проходя весь курс врачевания сердечного, так много раз исходя из храма Божия, по-видимому, оправданными и исцеленными, – чувствовали ли вы, однако же, хотя единожды совершенное здоровье душевное? И если чувствовали, то долго ли продолжалось сие драгоценное чувство?.. И здесь, мы не предполагаем, чтобы вы, после седмидневного говения и воздержания, вдруг сделались

совершенно безгрешными (это святой удел тех, кои уже разрешились от уз плоти и крови); но вы должны были после того быть как можно свободнее от греха; в вас подобало произойти решительной перемене на лучшее; свету благодати надлежало в вашей душе быть подобно солнцу утреннему, восходить выше и выше, разогнать все облака заблуждений, иссушить все протоки чувственности, чтобы, наконец, произвести полный день Боговедения и благочестия. Так ли было с вами? Замечали ли вы в себе, после подвига поста и покаяния, постоянное удаление от мира и приближение к Богу, ослабление и исчезновение прежних худых навыков, и вступление на их место обычаев благих и христианских? – Нетрудно отвечать на сей вопрос, если все это в вас происходило и происходит. Человек, выздоровевший от тяжелой болезни, не затруднится сказать, здоров ли он. Даже начавший только выздоравливать тотчас скажет, что он выздоравливает. А из нас, братие, не правда ли, что для многих весьма трудно отвечать на вопрос: оздравили ли они духом и совестью? Многие, напротив, принуждены с горестью сознаться, подобно древним израильтянам, что в них происходит противное: «Ждахом мира, и не бяху благая: време́не уврачевания, и се, боязнь!» (Иер. 8:15). Перед каждым пощением, исповедью и причащением мы надеялись получить через них здравие душевное, и принимали сии таинства с радостью, между тем доныне остаемся те же, что были прежде: души наши хладны к добру и склонны ко злу; прежние страсти во всей прежней и, нередко, большей силе; совесть с теми же язвами, сердце с тою же тяжестью; весь внутренний человек наш еще мертв, или крайне расслаблен. «Ждахом мира, и не бяху благая: време́не уврачевания, и се, боязнь!».

Что же значит сие? «Еда несть ритины в Галааде?; или врача несть тамо? чесо убо ради несть исцелена рана дщере людий моих?» (Иер. 8:22) – вопрошал некогда пророк, видя продолжение болезненного состояния народа израильского. Подобным образом спросим, братие, вас и мы, имея в виду, доселе продолжающуюся, неисцеленность душ ваших. «Еда несть ритины в нашем духовном Галааде?»; или «врача несть

тамо?». Ужели, вся немощная врачующая, рука Божия сократилась, и Таинства Святой Церкви потеряли свою силу? Или пастыри Церкви, изрекая вам прощение, изрекали его не от сердца? Нет, прощенное «здесь», не вспомнится и «там», если только вы сами не оживите его повторением прежних грехов! – Или Спаситель, преподавая вам Тело и Кровь, преподавал чуждые, а не Свои собственные? Нет, Он не откажется от Своего Тела и Своей Крови, если только вы умели сохранить сей дар... Множество людей, подобных вам, еще тягчайших грешников, пользуясь теми же самыми средствами, успели омыться от всех нечистот греховных, уврачеваться совершенно от проказы адской, соделались святыми, богоугодными, и теперь приготавливаются в мире окончить земное поприще свое, или уже наслаждаются благодатью помилования в царстве славы: а вы, братие, пользуясь столько раз теми же самыми средствами, остаетесь доселе на одре духовной смерти, или влачите жалкие остатки жизни духовной в узах греха! Что значит сие?..

Ах, братие, не то ли самое, на что жаловался некогда тот же пророк, взирая на отчаянное состояние Вавилона? – «Вавилон, – говорил он, – падает; день суда и казни его близок, неизбежен. Но кто виной?» – Вавилону ли недоставало средств к отвращению бедствия? У него ли не было врачевства и обязанностей на рану? И они все употреблены над ним; но без пользы; «Врачевахом Вавилона, и не исцеле». (Иер. 51:9). Так, может быть, братие, о нас давно вещают перед Престолом правды Божией Ангелы Хранители наши: Твоя премудрость, Господи, приставила нас блюсти души и тела их, руководить и подкреплять их на пути к небу. Сам зриши, опущено ли нами что-либо, могущее просветить их ум, возбудить и согреть их сердце, удержать стопы их на пути к гибели? Но что могут соделать для них все средства ко спасению, все наши усилия и попечения, когда они или отвергают их с гордостью, или употребляют с нерадением? – «Врачевахом Вавилона, и не исцеле»! Не исцелел потому, что возлюбил свою греховную рану, непрестанно растравляет ее новыми беззакониями, решился жить и умереть во грехах своих.

В самом деле, братие, как употребляем мы врачевства духовные, как приступаем к самому решительному из них – к исповеди и Святому Причастию? Приступаем почти все, как к средству временному, а не как к мере решительной; смотрим на святейшее таинство, как на обряд благочестивый, полезный в некоторых отношениях, а не как на таинство возрождения, которое должно переродить нас совершенно на всю жизнь. А посему и приступаем, хотя с приготовлением, по поверхностным, не проникающим до глубины нашего духа, до корня зла, в нас живущего; – приемлем Тело и Кровь Христовы, хотя с благоговением, но нисколько не помышляя о тех чрезвычайных действиях, коим подобает произойти в нас; отходим от Престола Благодати с благими мыслями, но, отнюдь, не с твердой решимостью измениться в своей жизни совершенно; кратко: говеем, исповедуемся, причащаемся во оставление грехов прошедших, не думая об оставлении греховного поведения в будущем, – в жизнь благую, вечную, на небе, не помышляя о жизни добродетельной, во времени, на земли. Можно ли же ожидать решительного исцеления навсегда, когда вовсе и не думают о сем исцелении?

Но так поступают еще лучшие из нас. Что сказать о прочих исповедниках и причастниках? – Оставление на несколько дней обыкновенных дел и занятий, хождение в продолжение сего времени в церковь; потом несколько минут, употребленных на исповедь; потом несколько минут -на причащение; затем несколько благочестивых мыслей и сердечных вздохов, – вот все говение, вся жертва Богу! А потом? – Немедленное возвращение к прежним делам, опять тот же род жизни, опять прежние забавы, те же греховные утехы, то же служение страстям самым постыдным: скажите сами, чего ожидать после такого, можно сказать, мимолетного говения? Разве мимолетных же плодов; и они точно бывают: несколько животных спасается в это время от заклания, несколько худых привычек остается на время без удовлетворения; уста не произносят прежних срамных слов; взоры не блуждают несколько времени по прелестям мира; самое сердце, не подавляемое заботами, начинает биться покойнее. Но потом зло, на время стесненное,

еще более раскрывается и свирепеет; с поверхностно покаявшимися бывает то же, что с больными, после превратного врачевания: болезнь ожесточается более и более!..

Сами чувствуете, братие, что я не переиначиваю вещей, не увеличиваю нашей вины, а изображаю дело как есть. Для чего изображаю? Для того, что теперь снова открывается курс врачевания духовного. Если пойдем безрассудно прежним путем, то достигнем и цели прежней, то есть, никакой не достигнем. Опять раны совести закроются на время с тем, чтобы после раскрыться еще больше; опять сложим тяжесть грехов, чтобы потом поникнуть под нею еще глубже. Что же наконец выйдет из такого образа действия? То, что мы, врачуясь всю жизнь, наконец, умрем во грехах наших. И для иных это несчастье еще, может быть, не так близко: они будут иметь несколько Четыредесятниц для уврачевания души своей; а для некоторых "суд уже написан" (Пс.149:9) и «судия пред дверьми» (Иак. 5:9). Я хочу сказать, братие, что как ни ограниченно число нас, теперь здесь находящихся; но, без сомнения, есть между нами такие, для коих наступающая Четыредесятница наступает в последний раз. Кто сии, обреченные жертвы смерти? Может быть, ты, слушатель, наименее теперь думающий о сем; может быть, я, возвещающий тебе сию грозную, но спасительную для всех нас истину...

Итак, братие, соединимся все ныне в искреннем желании своего спасения; вступим каждый в святое поприще покаяния так, как бы оно отверзалось перед ним в первый и последний раз. И оно точно будет для нас первым и последним, коль скоро мы в продолжение его изменимся совершенно и оставим навсегда нашу греховную жизнь. Ибо, сколько бы кто прежде не каялся, но если не исцелился доселе душою, то он исцелится теперь в первый раз. А кто получит здравие, тому, если не потеряет его, не нужно будет получать его в другой раз, а только хранить и укреплять его.

Господи и Владыко живота нашего! Врачу душ и телес наших! Ты, Который снова отверз пред нами недостойными дверь покаяния! Сам изведи нас всемогущей десницей Твоей из

Египта духовного рабства и введи в пустыню святого поста! Что бы ни ожидало нас в сей пустыне, мы предаем Тебе души и сердца наши: руководи нас столпом облачным, или огненным, питай манною, или напаяй меррою; токмо введи нас в Ханаан небесной чистоты и Богоподобия! Аминь.

Слово в понедельник недели 1-й Великого поста, на утрени

По самому теперь присутствию вашему здесь, братие, видно, что вы имеете благое намерение посвятить настоящую седмицу на приуготовление себя к исповеди и причащению Святых Тайн. Тогда как многие из собратий ваших преданы еще сну, или стенают от тяжелой дани, безрассудно принесенной вчера плотоугодию, – вы, вместе с служителями алтаря, поспешили утреневать ко храму святому и насладиться первой зарей Великого поста. Приветствуем вас с сим подвигом усердия и любви! Кто может (а много ли таких, кои не могли бы?), для того всего лучше начать поприще святого говения ныне, вместе с Церковью, потому что Богослужение настоящей седмицы особенно приноровлено к подвигам святого покаяния, и особенно богато предметами, возбуждающими умиление сердечное. Судя по сему, и мы могли бы только пригласить вас быть внимательными к тому, что будет совершаться здесь в продолжение сей святой седмицы, и потом предоставить вас собственному вашему усердию к делу вашего спасения. Но поскольку и при обилии средств врачевания и при известности способов их употребления живой голос и наставление врача никогда не излишни, то позвольте нам, по долгу духовных врачей, предложить любви вашей несколько благих советов. Будем беседовать как можно проще и естественнее, чтобы из самого слова нашего видно было, что мы беседуем во время поста, коему приличны не цветы красноречия, а слезы и пепел покаяния. Святая Церковь в продолжение сей седмицы, во-первых, сама предложит вам, братие, наидействительнейшие средства к исцелению душ и освящению сердец наших; и вам должно употребить все старание, чтоб усвоить себе сии средства и воспользоваться ими как должно: это первый, главный и неотменный долг ваш! Но, пользуясь Святыми Таинствами и душеспасительными учреждениями Святой Церкви, вы не оставите употребить и со своей стороны всех, от вас самих зависящих средств, ведущих к той же цели: это

второй, также священный долг ваш! Побеседуем порознь о том, как лучше исполнить вам ту и другую обязанность; рассмотрим те средства ко спасению, кои находятся в собственных руках ваших, и кои, не быв определены Церковью, а предоставлены свободе каждого, по тому самому требуют скорейшего наставления, касательно их употребления.

Какие это средства? Для всех и каждого это – благочестивое размышление, – благочестивые собеседования, некоторые благочестивые дела и особенно – молитва; для некоторых – чтение священных и душеспасительных книг. Не поскучайте, братие, если мы войдем касательно каждого из сих занятий в некоторые подробности: советы касательно сего могут быть полезны вам не только на сию седмицу, но и на целый год, на всю жизнь. Ибо, если вы расположены (как и должно) искать через покаяние спасения не временного, а вечного, то вся последующая жизнь ваша должна служить для вас приуготовительной Четыредесятницею к празднованию вечной Пасхи в обителях Отца Небесного.

Одно из главных средств к духовному врачеванию себя, находящихся в собственных руках наших, как сказал я, есть благочестивое и покаянное размышление. Три главных предмета, о коих, братие, каждому из вас, в духе покаяния, должно непременно размыслить в сии дни самому с собой. Это, во-первых, вы сами, кои намерены приступить к исповеди и святому причащению; во-вторых, сии самые таинства; в-третьих, то как вам вести себя, по принятии их, до конца вашей жизни.

Вам должно, как можно скорее, со всею основательностью заняться самими собой, собрать свои мысли и устремить их на свою совесть, свою жизнь и свои отношения. Лучше и полезнее сего занятия трудно найти и во всякое другое время, а теперь это – необходимость!.. Иначе, без познания самих себя, как вам приступить к исповеди, и просить врачевства, не ведая, в чем ваша болезнь? Такое самоиспытание может быть совершаемо различным образом, смотря по способности каждого; но всего ближе, если оно начнется с общего обзора вашей жизни, если вы пойдете мыслью по следам вашего бытия, от вашего

происхождения на свет донине. Не будет излишним, если обратите при сем внимание и на то, от кого вы «произошли», когда и где узрели свет, в каком состоянии суждено вам жить и действовать. В сих предварительных обстоятельствах нашей жизни прежде всего открываются намерения о каждом из нас премудрости Божией; ибо обстоятельства сии нисколько не зависят от нас, между тем как от них зависит вся наша жизнь. Узнав таким образом самую первую волю Божию о вас, вы припомните потом, как пробудилась душа ваша к сознанию самой себя, какие предметы и лица поражали ваше первое внимание, куда устремились первые желания, что вам особенно нравилось или отвращало от себя, как вы вступили в сношения с миром, с людьми, с Богом, как узнали, что добро и что зло, как то и другое оказывало над вашими сердцами свое первое действие, как потом начало то и другое выражаться в ваших наклонностях и поступках. Это представит вам умилительную картину вашего первобытного человечества и, без сомнения, вашего первобытного падения. Ибо хотя мы все приходим на свет уже со грехом Адамовым, с наклонностью ко злу, и, следовательно, уже поврежденными; но и в собственной жизни каждого есть злополучный пункт времени, с коего начинается ряд его собственных, произвольных падений, и в коем, следовательно, над каждым из нас повторяется подобное тому, что было с Адамом во время его падения. От лет отрочества вы перенесете потом внимание свое на вашу юность, и, несмотря на ветренность сего возраста, постараетесь воскресить в памяти вашей хотя бы главные черты вашего юношества; ибо это такой возраст, в коем полагается уже нами самими основание всей нашей будущей жизни, образуется наш характер, решается предварительно вопрос: что мы будем для Бога, для самих себя и наших ближних? Тут представятся вниманию: те наставники и руководители, кои на вас особенно действовали; те знания и труды, кои были вам по нраву и занимали вас собой; те лица и предметы, к коим стремилось сердце; те надежды и страхи, кои волновали вашу грудь; те грехи ведения или неведения, наглества или уныния, коими так богата юность каждого; те наказания или награды, коими

побуждаемы были первые шаги ваши на пути долга, или останавливаемы от ниспадения во глубину вольномыслия и порока. Это рассмотрение путей вашей юности изъяснит вам многое в жизни вашей; ибо здесь, большей частью, сокрывается причина, почему мы таковы, или не таковы, как должны быть в отношении к закону Божию. За сим мысль ваша естественно обратится к возрасту мужескому, к тому званию, которое суждено вам проходить, тому роду жизни, который довелось вести. Тут вы заметите со тщанием положение ваше в мире и круге вашей деятельности, отношение вашего характера к вашему званию и роду жизни; кто те люди, кои действуют на вашу судьбу, и те, на судьбу коих действуете вы; от чего зависели успехи и неудачи ваши доселе, каким вы подвергались несчастьям, от каких страдали болезнями, какие терпели потери, в каком отношении вы к обществу и своему семейству; кто ваши доброжелатели и друзья, кто враги и недруги, и почему те и другие в таком, а не в другом к вам отношении? Все это должно рассмотреть не поверхностно, как странникам и соглядатаям в чужой земле, а как хозяевам дома, кои хотят знать, в каком состоянии их дела и дом. И все это, однако же, есть только предварительная работа, только приступ к делу. Собрав вновь все силы ума, вооружившись всем беспристрастием, вы приступите потом к главному занятию над самими собой, постараетесь узнать, в каком состоянии находитесь вы в отношении к вашему спасению. Здесь должно иметь в виду преимущественно три предмета: **1)** куда принадлежим мы – к числу людей обращенных, в коих началось уже дело спасения, или к числу людей, кои доселе вовсе не мыслили о спасении, оставались в состоянии греха и нечувствия духовного? **2)** если мы не имели еще счастья прейти средостение, отделяющее малое число спасаемых от толпы людей погибающих, то в чем особенно состоит наша греховность и нечистота, какая страсть наиболее господствует в нас и что особенно питает ее и укрепляет? **3)** если, напротив, по благодати Божией, в нас положено уже начало духовного обновления, то как идем мы по новому пути благодати, с той ли силой, тем ли преспеянием, как должно и если не так, то что

препятствует нашему духовному возрастанию и плодоношению? – Вот, говорю, три главных вопроса, кои мы должны иметь в виду всякий раз, когда хотим знать, в каком мы состоянии по отношению к нашему спасению! Кто разрешит их, как должно, пред тем откроется образ его нравственного бытия, тот будет знать, кто и что он для неба и вечности.

Для облегчения сего дела для всех и каждого Господь, премудрый и милосердый, дал несколько зеркал, в коих, когда посмотришься прилежно, видишь себя со всеми своими недостатками. Таково зеркало – десятословие Моисеево, где указаны все главные обязанности наши к Богу и ближнему. Таково зеркало – нагорная проповедь Спасителя о блаженствах, в коей так трогательно означены добродетели истинного христианина. Таковы зеркала – многие места из посланий апостола Павла, в коих он изображает деяния людей духовных и людей плотских; например, двенадцатая и тринадцатая главы послания к Римлянам, и все послания к Филиппийцам. Употребляй любое из сих зеркал; а лучше, если употребишь их, хотя не вдруг, все. Притом, как стоя перед зеркалом, дабы лучше видеть себя, мы обращаемся к нему лицом разными сторонами, так полезно делать и смотрясь в зеркало закона Божия. Постарайся обратиться к нему попеременно всеми сторонами существа своего – не одним духом с его умом и совестью, а и душой с ее желаниями и наклонностями, и самым телом с его сложением, привычками, требованиями и немощами, и наконец самым внешним состоянием, с его выгодами и невыгодами в отношении к делу нашего спасения. Должно поставить перед зеркалом слова Божия свой ум, дабы открылось, какой в нем образ мыслей, какими водится он убеждениями, есть ли в нем свет веры, всегда ли светит он и достаточно ли озаряет пути жизни? Должно поставить перед зеркалом свою волю, дабы обнаружилась цель, к коей она постоянно стремится, -на небе ли она или на земле; дабы открылись побуждения, коими она движется, – чисты ли они и достойны ли христианина; дабы явились правила, коим мы следуем, из Евангелия ли они взяты и совести, или из обычаев мира и внушений гордости

житейской? Надобно поставить перед зеркало слова Божия свое сердце с его чувствами, дабы видеть, чем живет оно и для чего бьется, что наиболее радует и печалит нас: преуспеяние в добродетели или удача в земных предприятиях? Можно употреблять с пользой и другие приемы для сравнения себя с образцом истинного христианина, начертанным в разных видах – в слове Божиим; например, полезно рассматривать себя по своим отношениям, как члена семейства, как члена общества, как члена Церкви; сравнивать образ своих мыслей, правил и жизни с образом мыслей и жизни людей праведных, или людей грешных, изображенных в слове Божиим, особенно подобного нам состояния. В поощрении к сему святому делу должно сказать, что кто займется им не поверхностно, не поскушает и не оставит его от первых неудач, кои могут быть от неопытности, тот непременно достигнет цели, увидит себя, каков он есть, и будет в состоянии сказать, чего недостает ему и что надобно делать.

При озарении света благодати Божией, к коей постоянно надобно обращать ум и сердце свое, скоро может открыться: положено ли в нас доселе начало делу нашего спасения? – Положено, если при всех случайных уклонениях и невольных препинаниях, на пути к спасению, главной целью действий и правилом поведения, главным побуждением к трудам и началом одушевления есть мысль о Боге и вечном спасении. Положено, если ты, почитая себя бедным грешником, проникнут верой в Сына Божия, в Его крестную жертву за нас, и стараешься, сколько можно более, сообразовать себя с Его учением, освящать себя благодатью Его Пресвятаго Духа. Напротив, если началом твоих мыслей, чувств, действий служит самолюбие, если внутри тебя господствует какая-либо страсть, то, хотя бы в твоём нечистом поведении, как между тернами, и появлялись иногда цветы добродетелей мирских, ты не в числе людей обращенных, твой путь – не есть путь истинного христианина.

Подобным образом нетрудно узнать и то, какая особенно страсть господствует в нас, и что питает ее, если мы имеем несчастье находиться в числе грешников необращенных. Ибо,

хотя корни господствующей страсти бывают далеко сокрыты в темпераменте, в образе воспитания и во внешних отношениях наших; но ветви ее покрывают обыкновенно весь круг нашего бытия домашнего и общественного; «воня смертная» (2Кор.2:16) от адских цветов ее несется далеко во все стороны, несчастные плоды ее бывают рассеяны по всем входам и исходам нашим. В таком разе даже одно поверхностное мнение о нас других людей не редко может служить довольно верным указанием нашего духовного недуга; ибо люди, будучи не так способны к оценке добродетелей наших, всегда почти верно отгадывают наши господствующие недостатки. Можно узнать преобладающий в нас порок и потому, что ни с чем так не трудно расставаться, как с ним, ни к чему прикосновение так не болезненно, как к нему: одна мысль – бросить его, стоит немалых усилий.

Что касается до последнего предмета: надлежащим ли образом идем мы по пути благочестия, если вступили на него, то имеющий нужду знать сие, легко узнает, если обратит внимание хотя на следующее: убывает ли и слабеет ли зло, в нем доселе остававшееся? Реже ли подвергается он тем нападениям, от коих страдал прежде, и что приводит к ним? Легче ли для него становится совершение тех добродетелей, кои прежде казались ему так трудны? Усиливается ли в нем смирение христианское и вера в Сына Божия? Если совесть будет отвечать хотя на один из сих вопросов: нет, – то нечего более сомневаться и думать; надобно спешить снова всецелым покаянием, дабы вовсе не угас в душе огонь небесный. И в противном случае, не вдруг должно удовлетворяться утвердительным ответом совести, а смотреть – отставая от одного недостатка, не вдаемся ли мы в другой, ему противоположный, не впадаем ли в другую крайность, например из людей хладных к вере, не становимся ли мечтателями, или ревнителями не по разуму?

Руководствуясь сими и подобными чувствами, братие, вы поспешите в настоящие дни как можно вернее узнать себя и свое душевное состояние. Всяк займись собой! Ибо, если теперь не заняться сим делом, то когда же сделать это? – Нет

нужды, что ты учен и знаешь природу человеческую и себя самого по ученому: здесь требуется не ученое самопознание, а христианское самоиспытание. Разве нет людей, кои составили целые ученые книги о душе, а ни разу в жизни не рассматривали своей души в отношении к своему спасению? Никто в извинение своей простоты не приводил и неумения размышлять. Как? Считать свои деньги умеешь, хотя бы их были тысячи, а пересмотреть свои обязанности, счесть свои грехи и недостатки не можешь? – Какой член заболит в теле, тотчас слышишь, а где болезнь в душе, не чувствуешь? Легко может случиться, что, обратив испытательный взор на себя самого, ты, по привычке, не можешь долго держать его на себе. В таком случае обращай его чаще – и ты привыкнешь стоять с собой лицом к лицу перед зеркалом слова Божия и совести. Для успеха в сем деле, оставь на время все прочие дела; уединись от людей и шума житейского, особенно посвящай на это тишину ночную. Так поступал некогда и Давид.

В противном же случае, то есть, если не можешь заняться теперь надлежащим образом познанием самого себя, то лучше оставь говение до другой недели; ибо слышишь, что говорит не проповедник какой-либо обыкновенный, а апостол Христов: «Да искушает... человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пьет. ядый бо и пияй недостойне, суд себе яст и пьет, не разсуждая Тела Господня»! (1Кор. 11:28–29)... Аминь.

Слово в понедельник недели 1-й Великого поста, на утрени

«Да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пьет. ядый бо и пияй недостоине, суд себе яст и пьет, не разсуждая Тела Господня» (1Кор. 11:28–29).

Те, коим надобно явиться в суд для ответов в деле, от коего зависит благоденствие их жизни, не спешат своим приходом; стараются прежде узнать основательно, кто будет судить их, какие законы за них и против них, что можно сказать или сделать в пользу своего дела. Подобным образом, если бы кого пригласили на трапезу в дом царев, где ему должно быть лицом к лицу с царем; то он также почел бы за долг заpastись всеми нужными сведениями касательно свидания с царем и самой его трапезы; не счел бы за излишнее узнать даже неважных подробностей. Нам, братие, вдруг предстоят оба сии случая, или, лучше сказать, оба сии счастья (счастьем называю и явление наше на суд, ибо решение на нем дела в пользу нашу от нас зависит): как же нам не размыслить с вниманием о том, куда нам должно явиться и что там делать? – Посему, если бы и не было на это прямого повеления апостола, вами слышанного, то самое попечение о спасении душ ваших заставило бы вас, от размышления о себе самих, касательно коего мы уже беседовали с вами, перейти мыслью к размышлению о таинстве покаяния и причащения, к коим вы приступить намерены.

В деле сем опять каждый может идти своим путем, рассматривать святейшие таинства так, как ему внушит его ум и сердце, даже, может быть, как ему внушит Сам Бог, или Ангел Хранитель. Но могут быть преподаны и некоторые духовные советы в руководство, кои потому наш долг предложить вам, дабы имеющие в них нужду не принуждены были ходить за ними далеко.

Желаешь, сообразно велению апостола, размыслить о таинстве покаяния и исповеди? Обрати же внимание на следующие, главные, предметы: **1)** кто и для чего учредил сие таинство? **2)** в чем его сила и какие плоды? **3)** что требуется от

тебя исповедующегося, дабы благодать таинства оказала на тебе свою силу?

При решении сих вопросов нет нужды углубляться в какие-либо ученые исследования, или глубокие соображения; на это, если угодно, можешь употребить другое время: теперь все, имеющее вид учености, охладило бы твое сердце. Довольно через простое размышление убедиться сердечно, что судилище исповеди точно учреждено Самим Тем, Кто един имеет власть оставлять грехи, вязать и решить совести; – что священнослужители суть в сем деле только смиренные слуги, кои делают, что им велено делать Домовладыкой, не прибавляя к силе таинства ничего своим достоинством и не отъемля у него ничего своим недостойнством; что сила покаяния христианского состоит не в поверхностном оставлении некоторых пороков и принятии вместо их некоторых добродетелей, а в изменении таинственным действием благодати Божией, самого духа и сердца нашего, в обновлении всей жизни; – что, наконец, сила исповеди всецело зависит от веры в заслуги Иисуса Христа, удовлетворившего смертью Своею за грехи наши правосудию Божию. Вместе с сим нужно сокрушение духа о грехах; надобно принять всем сердцем то главное условие, под коим будет тебе преподано помилование, то есть, чтобы ты помилованный, впредь, при помощи Божией благодати, начал вести себя, как прилично последователю Христову: праведно, целомудренно и благочестно.

Когда сии главные стороны в таинстве покаяния и исповеди ясны будут в душе твоей и оживлены до того, что ты почувствуешь всю важность и благотворность сих таинств, и всею крепостью воли возжелаешь оживотвориться им для своего спасения, то ты сделал свое дело.

Если бы трудно было самому по себе ответить на что-либо в выше-предложенных вопросах, – не стыдись спросить у знающих, обратись за вразумлением к духовному отцу. Впрочем и с сего священного места будет преподано в продолжение сей седмицы понятие о всех сих предметах, чем облегчится и дополнится собственное размышление каждого.

Но есть в сем деле нечто такое, чего никто, кающийся грешник, не может сделать для тебя и за тебя, хотя бы и усердно хотел оказать тебе сию услугу. Это следующее: готовясь к новой исповеди, тебе надобно вспомнить хорошо твою исповедь прошедшую, рассмотреть, что после нее произошло в тебе: выполнил ли ты эпитимию, если была; сохранил ли себя от прежних грехов, или опять впадал в них, и что было тому причиной?

Далее – должно рассмотреть, что сказать пред духовным отцом, как поставить его скорее в надлежащее познание твоего душевного состояния, какого у него попросить совета, на какой вызваться, если то нужно, подвиг покаяния?

Сего, как сам видишь, никто не может сделать за тебя; и к этому всяк, хотя бы был самый ограниченный по своим познаниям и способностям, завсегда способен. Сделай же все это, дабы отец духовный мог и скорее и вернее видеть твою душу и совесть, чтобы надежнее мог предписать тебе врачевство духовное, чтобы тебе не придти в замешательство перед святым аналоем и не тужить после, что ты сделал сие важное дело не так, как должно.

О таинстве причащения, если размышлять пространно, то надобно размышлять целую вечность: ибо это святейшее таинство есть верх всемогущества, премудрости и любви Божией к нам. Но для настоящих дней довольно, если рассмотришь с участием сердечным, кто преподает Святые Дары? Что преподается в них? И кому преподается?

Господь Сам не напрасно сказал при учреждении Тайной Вечери апостолам: «сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22:19). Посему, прежде нежели приступим к чаше Завета, непременно должно исполнить Его волю. Как исполнить?

Вспомяни, во-первых, как Сын Божий, тотчас по падении нашем в раю, соделался нашим ходатаем, и приняв на Себя удовлетворение за грехи наши, сказал Отцу: «се иду... еже сотворити волю Твою, Боже» (Евр. 10:7), иду пострадать и умереть за род человеческий! Как потом действительно в продолжение многих веков, можно сказать, нисходил и приближался к нам в обетованиях и пророчествах; как

напоследок дней пришел и воплотился от Девы Марии, будучи зачат ею от Духа Святаго; как при рождении Его пели Ангели, славили пастыри, поклонялись волхвы, а Ирод неистовствовал и принудил Его бежать в Египет; вспомни, как Господь был обрезан осмодневно, принесен в храм и принят Симеоном; как потом тридцать лет проводил в Назарете, среди бедности и трудов; как, по крещении от Иоанна, по искушении в пустыне, изшел на проповедь, учил три года всех и каждого, исцелял больных, воскрешал мертвых, Сам не имея где главы подклонить; не забудь особенно последних дней Его жизни, воскрешения Лазаря, входа в Иерусалим, последней вечери и последних бесед с учениками, среди коих установлено таинство причащения; потом кровавого пота и молитвы в саду Гефсиманском; потом бесчестия и истязаний на суде Синедриона, Ирода и Пилата; потом распятия и смерти на Голгофе, и наконец славного воскресения.

Пройдя таким образом памятью всю жизнь своего Спасителя до самого Его вознесения на небо с Елеона, подумай, как много Он для тебя сделал. И всего этого казалось Ему мало, если Он не будет до скончания века питать тебя еще Божественной Плотию и Кровью Своей!..

От Подателя обрати взор к подаемому, к чаше Завета, из коей ты будешь пить жизнь вечную. Заметь, как проста наружность дара, и как необъятна его сила. Ибо для чего преподается Тело и Кровь Господа? В оставление грехов и в жизнь вечную, для того, чтобы тебе наитеснейшим образом соединиться с Христом, и через сие соединение очиститься, освятиться, обессмертиться, обожиться, вознестись над всем сотворенным. Что ни взгляд на чашу Завета, то будет новая святая мысль и чувство; что ни новая мысль и чувство, то или просвещение, или обличение, или укрепление, или утешение.

Пораженный величию предмета, ты невольно потом обратишь взор и на себя самого: кто ты приступающий к чаше Завета, ищущий соединения с Господом?

Не рассеянный ли миролюбец, который хочет выполнить один обряд церковный, чтобы не иметь на себе в обществе нареkania человека неверующего?

Не фарисей ли, который до того замечтался о неукоризненности своего жития, что думает сделать некоторого рода услугу храму, являясь в нем среди презираемых им грешников?

Не храмлющий ли на оба колена христианин, для коего кажется совершенно возможным то, что так несовместно, и по свидетельству Евангелия и по существу вещи, то есть, быть угодным и верным Богу и миру, совести и страстям?

Вообще надобно вникнуть, чувствуем ли мы нужду в соединении с Христом, есть ли в нас алчба духовная к Божественному брашну Тела Его, есть ли жажда духовная к Божественному питию Крови Его? Есть ли желание сохранить столь великие дары, по принятии их, в чистой совести и чистом житии? Есть ли решимость оставить для сего то, что делало нас нечистыми и богопротивными, оставить не на день, не на седмицу, а навсегда.

Не бесполезно, наконец, заранее помыслить и о том, куда, когда и как явиться для самой исповеди, для самого причащения? От малых неожиданных встреч может зависеть в таком случае немало: может встревожиться дух, придти в беспорядочное движение сердце, помутиться мысль, угаснуть чувство: а это в такие минуты очень важно.

Ибо, скажите сами, не подобные ли подробности занимают нас и служат предметом размышления для самых важных людей, когда делаются приготовления к сретению царя земного?..

Ужели мы не сделаем для Царя Небесного того, что делаем для владык земных?.. Аминь.

Слово в понедельник недели 1-й Великого поста, на утрени

Не слишком ли часто мы выходим перед вас с наставлением, не обременяем ли много в самом начале подвига? Но надобно скорее дойти до конца предмета; ибо разделить беседу на разные дни, было бы неудобно для вас и вашей памяти, хотя для нас это было бы легче. Посему мы теперь уже укажем вам третий и последний главный предмет, о коем вам в настоящие дни должно размыслить со всем прилежанием. Это новый образ мыслей, чувств и действий, который следует принять вам по окончании святого говения, дабы сохранить плоды его.

Да, братие, если вы расположены принести покаяние не на одну седмицу, или на один пост, а на всю жизнь; если желаете примириться с Создателем и Господом своим не на время, а навсегда: то в вас, по окончании сего святого дела, должна произойти великая перемена, – большая, нежели какая бывает по вступлении в новое звание или должность, большая, нежели при самых решительных и важных обстоятельствах жизни. Ибо, что значат все наши звания и должности перед званием сына и наследника Божия во Христе Иисусе? Что значат все самые разительные обстоятельства жизни в сравнении с тем великим чудом паки бытия, когда грешник из жертвы ада становится присным в дому Отца Небесного? Святое Писание, которое не любит и не может преувеличивать предметов и понятий, называет истинное покаяние новым творением. Но можно ли сделаться новым творением, и не принять нового образа мыслей, чувств и действий? Равно как можно ли принять и сохранить его, не размыслив прежде о нем, и не усвоив его себе твердой решимостью – жить и действовать Богоугодно? – Недостаток сего-то предварительного соображения и решимости главной причиной того, что все благое, производимое в душе таинствами исповеди и причащения, остается без дальнейшего действия, все святые обеты, при сем даваемые Богу и себе, рассеиваются, можно сказать, в воздухе, вскоре по выходе из

церкви. Не принято заранее мер к сохранению себя от прежней заразы; не обдуманно надежных средств к поддержанию благого расположения, к осуществлению святых обетов: – и потому все благое, появившееся на время в душе, остается без плода; все прежнее зло опять вторгается в сердце, при первом искушении, нередко с большей силой. Имея в виду все сие, или, лучше сказать, страдав столько раз от сего, вы теперь, чтобы не потерять снова благодати помилования, постараетесь заранее найти как можно более самых надежных средств к тому, чтобы оградить себя от подобного несчастья. И в одобрение вам должно сказать, что если в чем, то в сих средствах нет недостатка. Сколько представляет их также Святая Церковь, которая возрождает нас к духовной жизни таинствами покаяния и причащения! Самое устройство жизни нашей, по премудрому распоряжению Промысла Божия, таково, что при различных соблазнах и искушениях, вокруг нас всегда находится немалое число средств к нашему спасению; надобно только уметь знать свое положение и иметь искреннее желание им пользоваться.

При размышлении о будущем поведении своем, должно обратить особое внимание на три вещи: **1)** что вам в вашем образе мыслей, занятий и действий оставить; **2)** что вновь принять и усвоить; **3)** что изменить более или менее.

Надобно рассмотреть, что оставить? Например, посещение театра, или чтение сладострастных книг, или употребление излишних снедей, от коих страдало если не целомудрие тела, то чистота сердца. Что оставить? Например, знакомство и беседы с таким-то вольнодумцем или человеком безнравственным, коего мысли и слова, как дым, если и не производят пламени, то всегда чернят стены дома и портят зрение. Что оставить? Например, дух недовольства и строптивости, от коего, хотя он, по-видимому, и не выходит вовсе из пределов, как от медленного огня, постоянно страдает чувствительность твоих подвластных или слуг.

Надобно рассмотреть, что принять в будущем за правило для себя? Если пренебрежены были доселе, или не пользовались всем должным уважением у тебя домашняя и общественная молитвы, то надобно определить, как отселе

вознаградить сие важное опущение, какие часы употреблять на молитву и чтение Священного Писания дома, какие дни или часы посвящать на хождение в храм. Подобным образом, если доселе оставляемо было вовсе без внимания душевное состояние твоих домашних, то надобно сообразить, как заняться и занять их самих делом их спасения, какие открыть им к тому средства и чем заинтересовать их к сему.

Надобно рассмотреть и решить, что изменить в своей жизни, будет ли это самое важное, например род и образ жизни, или самое, по-видимому, маловажное, например образ и цвет одежды. Ибо, в деле спасения, как и в других делах, важное нередко зависит от малого, и из малостей слагается великое.

Во всех сих отношениях, надобно при размышлении иметь в виду то, чтобы найти и взять, как можно больше, надежных мер к воспрепятствованию вторгаться в душу прежним порокам и страстям, к беспрепятственному развитию в себе новой благодатной жизни, по всем ее видам и направлениям, к укоренению себя в вере, любви и уповании христианском, к соединению в духе с Господом и Спасителем своим.

При всем весьма хорошо сделает тот, кто, обдумав план своего будущего поведения, предложит его на рассмотрение какого-либо опытного благочестивого человека, всего ближе – на рассмотрение своего духовного отца. Весьма хорошо поступит и тот, кто, будучи в состоянии писать, положит сей план на бумагу, будет как можно чаще перечитывать его, иметь пред своими глазами и поверять им свое новое поведение.

Не излишне будет, если кто, составив себе главные правила поведения, произнесет торжественно обет поступать по ним неуклонно. Давид был не хуже нас; и однако же, для удержания себя на пути закона, прибегал даже к клятве: "кляхся, – говорит он, – и поставил сохранить судьбы правды Твоей!"» (Пс.118:106)

Если вы возьмете таким образом заранее все меры к сохранению в себе следов и плодов покаяния, то можете быть уверенными, что благодать помилования, столько раз доселе принимаемая туне, теперь не будет тща в вас; вы не возвратитесь паки на прежнее, но будете идти тем

спасительным путем веры, смирения и любви, на который поставят вас Святые Таинства Церкви. Аминь.

Слово в понедельник недели 1-й Великого поста, на часах

Желая вам полного успеха на поприще святыя говения, мы, братие, приглашали вас оставить среди сей недели, если можно, все житейские дела ваши, дабы все мысли и чувства свои сосредоточить «в едином... на потребу» (Лк.10:42). Но теперь должны пригласить вас к совершению некоторых дел именно в продолжение сей недели. Мало пригласить, хотим обязать вас к сему, и обязать под опасением: в случае непослушания, потери всего плода от подвигов и трудов ваших. Так поступим мы не по своей воле или умозрению, а по воле Того, в деснице Коего мы и дыхание наше. Ибо слышите ли глас Его? – «Егда стоите, – говорит, – молящися, отпускайте аще что имате на кого: да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпускаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших» (Мк. 11:25–26). Если и всегда такое, правило у небесного Судии, то кольми паче ныне, когда мы явимся перед Него с согрешениями всей нашей жизни! Подобным образом в другом месте говорится: «аще... принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имат нечто на тя: Остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой» (Мф. 5:23–24). Если Царь Небесный не хочет принять от нас самих никакого дара без примирения с ближним нашим: то благоволит ли дать нам Свой дар, и такой дар, как Тело и Кровь Сына Его, если мы явимся для принятия сего дара, не освободившись совершенно от всякой вражды с ближним?

После сего нет нужды и спрашивать, какое то дело, которое первее всего вам надобно сделать в сии дни: всяк, кто хочет принять оставление грехов, удостоиться причащения Тела и Крови Господней не в суде и осуждение, должен прилежно осмотреться: нет ли у него вражды с кем-либо? И если окажется, что есть это несчастье, то должно простить оскорбившему его от всего сердца, простить так, чтобы о вине

его не было и воспоминания. Вместе с сим должно постараться расположить, если можно, и враждующего к подобному прощению, обратить его из врага в собрата. Труден сей сугубый подвиг? – Что делать, когда так хочет Судия и Господь, к Кому ты должен явиться для принятия от Него прощения в твоих грехах: мы не можем переменить ни единой черты в Его повелении. Впрочем, так ли велика трудность, как представляется?.. Что, если бы тебе приказал сделать это самое государь? Не простил ли бы ты самую жестокую обиду из уважения к его слову? Не пошел ли бы ты для примирения к самому закоренелому врагу своему? А если бы еще имел несчастье подпасть преступлению и казни, и тебе бы предложено было, для избежания ее, оказать прощение своему врагу: вероятно, что тогда ты тотчас облобызал бы врага своего как брата, как избавителя. А для примирения с Царем Небесным кажется тяжелым, когда требуют примирения с твоим врагом? А для избежания казни вечной трудно сказать недоброжелателю ласковое слово? Не явный ли это знак, что мы ни во что ставим слово Царя Небесного, не боимся праведного гнева Его, не знаем цены того Тела и той Крови, ко вкушению коих приступаем?...

«Но, зачем, – скажешь, – мне еще идти ко врагу и говорить с ним? Довольно простить его совершенно». Зачем идти? – За тем, что так велит, как ты слышал, Спаситель твой: Он лучше нас с тобой знает, что нам должно делать. «Довольно простить врага, не выдавшись с ним». Нет, сего мало. Таким образом исцелишься ты один, а он останется в недуге; а Врач душ хочет, чтобы вы оба были здоровы; ибо враг твой есть также член Тела Его, как и ты. И, скажи пожалуй, если теперь Спасителю и Господу твоему не настоять на совершенном погашении вражды между вами, то когда сделать это? Теперь ты сам ищешь милости, просишь отпущения грехов, и следовательно должен быть расположен к милости. И вот Господь премилосердый, пользуясь сим случаем, у тебя самого просит милости же, ищет отпущения грехов брату твоему, и, посылая тебя к нему, хочет, чтоб ты был врачом и для твоего недугующего собрата.

«Но враг мой так зол на меня, что или не примет меня, или окажет мне презрение, причинит новую досаду, и я возвращусь от него ни с чем». Нет, ты во всяком случае возвратишься с великой пользой. Не примет, презрит, досадит? Пусть! Это для тебя новый венец. Ты сделал свое дело, исполнил волю Спасителя, оказал самоотвержение, которое тем будет для тебя плодотворнее, чем благоразумнее ты будешь уметь перенести новую неприятность. Но я не думаю, чтобы из сотни врагов и недоброжелателей нашлось хотя два, кои бы решились обижать человека, ищущего с ними примирения по-христиански. Нет, человеческая природа, как она ни груба и зла бывает, все не камень, не железо; и особенно ничто ее так не трогает, как смирение и любовь христианская. Сколько ни рассказывают о подобных случаях и встречах, всегда слышишь, что они оканчивались очень хорошо: враг, пораженный христианским смирением и именем Иисуса Христа, трогается, смягчается, бросает свою ненависть. «Но у меня, скажешь, с врагом моим заведено уже дело в суде; мне поздно возвращаться назад; нас решит один закон». А в твоей и его душе разве нет закона? А совесть твоя и его разве не первый судья? Реши сам дело по совести, и представь решение на совесть его; сделай, сколько можно, христианских уступок из твоих прав и поставь их в цену примирения: таким образом в минуту решались самые многолетние и запутанные тяжбы. Но, как бы ни поступил в сем случае твой враг, ты, по крайней мере, со своей стороны сделаешь, что повелевает тебе Господь Спаситель твой. А без сего, сколько бы священник ни говорил: прощено, разрешено, ты не получишь разрешения.

Из других благочестивых дел, приличных особенно настоящей седмице, более всего надобно указать на дела милосердия. Не напрасно сказано Самим Спасителем: «блажени милостивии, яко тии помиловани будут» (Мф.5:7); не напрасно еще в Ветхом Завете говорено: «грехи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убогих» (Дан. 4:24). Посему нам, ищущим теперь прощения и милости у Господа, всего приличнее явиться к Нему за сим, по оказании милости ближним нашим. Нужно ли в сем отношении какое-либо

вразумление от нас? Если нужно, то мы скажем властелину, в руках коего участь многих тысяч подобных ему людей: дай, если не свободу, то хотя ослабу тем, кои служебными отношениями к тебе, видимо, стесняются в развитии данных им от Бога способностей и сил, даже в исполнении обязанностей своих к Богу и ближним; евангельскому богачу скажем: раздери рукописание долга, коим связан пред тобой бедный отец многочисленного семейства; посети темницу и искупи тех, кои томятся там за долги; прими под кров свой малолетнего сироту и дай ему воспитание; всякому скажем: удели, что можешь, от избытков, даже от скудных стяжаний твоих, и подай во имя Иисуса Христа бедному: лепта твоя так же будет Им принята, как и богатый дар богатого; ибо Господь ищет не обилия даров, а сердца нашего. Аминь.

Слово в понедельник недели 1-й Великого поста, на часах

Между средствами, кои находятся в собственных руках ваших, мы поставили и молитву. Уже по сему самому, братие, вы можете видеть, что мы не разумеем под нею молитвословий церковных, в коих вы постоянно будете участвовать и без нашего напоминания. Не разумеем и ваших собственных обыкновенных молитв, коими вы, как добрые христиане, начинаете и оканчиваете каждый день: молитвы сии, совершаемые всегда, всего менее могут быть опущены ныне. Нет, мы имеем в виду молитву особенную, которая важностью своей превосходит все прочие, и между тем для многих вовсе не известна, и потому требует особенного указания. Это молитва покаяния, с сердечным прошением о том, чтобы Господь Сам дал нам духа покаяния и веры в заслуги нашего Спасителя, Сам произвел в нас нераскаянное отвращение ко греху, освободил навсегда сердце наше от глубины любви к миру и утвердил нас в познании и исполнении заповедей Своих.

Ибо надобно знать нам, братие, и знать твердо, что, без всемогущего содействия благодати Божией, грешник, сколько бы ни желал и ни усиливался, никак не может, сам по себе, оставить навсегда путь греха и сделаться человеком добродетельным. Сколько бы мы ни решались бросить свои злые навыки, сколько бы ни употребляли средств к тому, сколько бы ни каялись, ни воздыхали, ни начинали изменять своего поведения: доколе Сам Господь не разорвет уз, нас связующих, мы все останемся рабами греха; будем только переменять одни худые склонности на другие, грубые на тонкие. Такова участь грешника! По-видимому, странно, почему я не могу перестать грешить, когда мог прежде грешить и не грешить; но в самом деле так. Выражение этой печальной невозможности исправить себя совершенно, без помощи свыше, можно видеть даже во внешней жизни человека. Каждый, если хочет, может упасть с какой угодно высоты и разбиться в прах; а взойти опять на высоту, упавши и разбившись, не может. Можно отнять у себя

в одно мгновение даже жизнь, а возвратить ее себе никто не в силах. Так и грешник: он посредством греха отнимает жизнь у своего духа, но возвратить ее может ему один Бог. Посему-то Святая Церковь при самом начале поприща покаяния начала возглашать в слух наш: «покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!» – давая знать сим, где нам должно искать своего воскресения от смерти греховной.

В настоящие дни покаяния, братие, вы должны усвоить себе молитву сию во всей силе. Ибо теперь должна решиться вечная судьба ваша. Чтобы разогреть для сей молитвы свое сердце, чтобы произнести ее перед Отцом Небесным с тем «воплем крепким», который проходит небеса; для сего, братие, представьте себе, с одной стороны, совершенную невозможность вам освободиться от зла, вас снедающего, собственными силами, с другой – обетование Спасителя, что все, о чем мы будем молить Отца Небесного во имя Его, будет услышано. Имьтесь обеими руками за сие благодатное обетование, и станьте с ним пред лицо Господа; станьте и просите перемены своего сердца на лучшее. Просите, «ничтоже сумняся»; просите, не делая никаких условий; просите, как просил бы помощи утопающий сын, увидев на бреге родного отца. В подкрепление своего прошения, можете сказать, что вы готовы отказаться от всех прочих – земных – даров, только бы вам ниспослан был дар истинного покаяния; что вы согласны претерпеть для сего самые ощутительные лишения и скорби, согласны на потерю имущества, чести, здоровья, самой жизни временной, только бы возвращено было вам погубленное вами здоровье душевное, только бы дарована вам была жизнь вечная. Первее же и паче всего укажите Отцу на заслуги Его Единородного Сына, скажите, что вы молитесь и просите во имя Его, от лица Его, в силе Его, что Он вас послал и обещал вам услышание.

Если какая молитва, то подобная, может потребовать того, чтобы она принесена была во внутренней клети, по затворении всех дверей: впрочем, она должна быть первой и последней молитвой вашей и в храме; все прочие молитвы должны быть только или приготовлением к ней, или ее последствием.

К ободрению вашему в сем святом деле, мы можем и должны сказать вам, братие, и сказать не от своего лица, не по своему соображению, а от лица Господа и Спасителя нашего, что сия покаянная молитва, коль скоро приносится от сердца и в духе веры, не может быть не услышана. Во всем прочем может быть нам отказано, а в спасении нашем никогда, никогда!.. Аминь.

Слово в понедельник недели 1-й Великого поста, на часах

Многие из вас, братие, владеют способностью читать и разуметь письма; некоторые до того привыкли к чтению книг, что не могут дня провести без сей душевной пищи. Не советуем решительно и мы оставлять среди сих дней вовсе чтения. Но какое чтение прилично настоящим дням? Явно, не то, какое бывает в другие времена. Прилично ли, например, в настоящие дни взять в руки какую-либо повесть, написанную для одного времяпрепровождения, как бы она, впрочем, ни была благонамеренна? Часов, остающихся за часами Богослужения и благочестивого размышления, так немного, что истратить их на чтение чего-либо не прямо душеполезного и священного, было бы знаком явного невнимания к собственному спасению.

Что же теперь прилично читать любителям чтения?

В ответ на сие, я спрошу вас, во что вы надеетесь вступить с Богом через таинство покаяния и причащения? – Не в новый ли завет веры, любви, упования и верности до смерти? – Итак, читайте первее всего Завет Новый, начертанный для всех нас, можно сказать, не тростью и чернилом, а Кровью Господа и Спасителя нашего. Тут увидите вы сущность и все условия блаженного союза Бога с человеком, который нарушен грехами нашими, и в который мы паки вступаем через веру и покаяние. Если бы для кого чтение всего Нового Завета было неудобноисполнимо, такой прочти хотя одно из четырех Евангелий, в коих повествуется о воплощении и смерти Сына Божия. Чтение Нового Завета с великой пользой может быть предварено чтением хотя первых глав из Завета Ветхого, в коих описывается падение наших праотцов, а в лице их и всего человечества, – с его ужасными последствиями для всех нас. Такое чтение есть ближайшее и естественное приготовление к чтению и разумению Завета Нового. Ибо надобно узнать важность болезни, чтобы научиться дорожить временем и врачевством. Кто увидит всю бездну падения человеческого (а ее нельзя не увидеть, прочитав хотя три главы из книги Бытия),

тот не может не чувствовать горячайшей любви к Тому, Кто пришел извлечь нас из сей бездны и Коего деяния и смерть описаны в Завете Новом. После Евангелия весьма полезно прочесть хотя одно из посланий апостольских, особенно послание к Римлянам, где изображено ужасное состояние человека в состоянии естественном, без веры в Сына Божия, и блаженное состояние человека, оправданного сею верой, освященного благодатью Духа Святаго. Святая Церковь сама подает нам пример чтения Нового Завета, возглашая на последней седмице поста, как вы сами знаете, в слух наш все четыре Евангелия. В продолжение настоящей седмицы она не делает сего, может быть для того, чтобы мы теперь делали это сами.

После чтения Священного Писания, если хватит времени и усердия, весьма полезно и прилично для многих, если не для всех, прочитать священный Катехизис, где, от лица самой Церкви, для всех чад ее изложена сущность нашей веры и наших обязанностей, предмет нашего упования и молитв. Это может оказать немалую помощь при духовном испытании самих себя, – перед исповедью, при обзрении нашей веры и наших обязанностей. В Катехизисе не найдешь новости? – Но ее нет и в зеркале: оно всегда одно и то же; однако же, ты нередко смотришься в него. Зеркало открывает новости в тебе: так и Катехизис. Смотря в сие зеркало веры, надежды и любви, ты можешь открыть в себе, в своем образе мыслей и поведении, много такого, чего не откроют тебе другие, самые ученые и красноречивые книги.

Если и за сим чтением останется время, то употреби его на чтение таких творений, коими возбуждается дух покаяния христианского. Благодаря матерней попечительности Святой Церкви, мы не имеем недостатка в книгах сего рода. Одни беседы святителя Златоуста о покаянии и трогательные покаянные поучения святого Ефрема Сирина достаточны умиливать сердце каждого читателя. Из отечественных отцов Церкви первый проповедник покаяния есть святой Димитрий Ростовский. Чего не вышло из-под его христианского пера на пользу кающихся грешников? Он оставил нам и трогательное

поклонение страданиям Спасителя, и благоговейное размышление о Таинстве Евхаристии, и молитву исповедания перед Богом кающегося грешника.

Подобное должно сказать о произведениях блаженного Тихона Воронежского. Как мудро обнажает он грех от всех прикрас его и указывает его ядовитость! Как отечески входит в положение несчастного грешника! Как кротко зовет его ко Спасителю! Как трогательно указывает на Крест и язвы Христовы!

После сих советов для читающих, что сказать вам, кои лишены умения читать? – Вы, братие, слушайте со вниманием, что читается здесь: ибо здесь читается все, что необходимо нужно для спасения. А если бы вам и после сего завидна была участь читающих, то я скажу вам: читайте сами! – читайте – в вашей совести! Письмена ее понятны каждому: а что написано в совести нами самими, то для нас важнее всего написанного другими. Все книги человеческие исчезнут со временем, а свиток совести останется один с нами. Чтение из него одного предложится на страшном суде Божиим.

Итак, прежде, нежели будет читан свиток сей там, читайте его как можно чаще, со всем вниманием, здесь. И не читайте только, а и старайтесь исправлять. Все прочие книги только читаются; от них можно и должно переменяться читающим, а их переменить нам нельзя. А свиток совести таков, что его должно читать и исправлять, для того и читать, чтобы исправлять. Аминь.

Слово во вторник недели 1-й Великого поста, на утрени

«Вострубите трубою в Сионе... освятите пост, проповедите цельбу... и воззовите ко Господу усердно» (Иоил. 2:1, 1:14).

Для чего при начале поста, по слову пророка, надлежало вострубить трубой и проповедать цельбу? Казалось бы, пост требует противного, благоговейного молчания, или возвещения тихого, – проповеди не об исцелении, а о смирении и воздержании. Трубят трубой, когда хотят дать знать о чем-либо далеко стоящим, или тяжело слышащим; проповедуют исцеление таким больным, кои думают, что они совершенно здоровы и не имеют нужды во врачевании, или отчаиваются получить его. Итак, верно все таковые люди были в древнем Израиле. В Израиле новом – между христианами, где столько духовного света, столько благочестивых опытов и Божественных сил для духовных подвигов, казалось бы, менее места для сомнений о необходимости и пользе святого поста. Но, при ближайшем рассмотрении дела, и здесь труба пророческая оказывается неизлишней. И в нас, как в древних Израильтянах, чувственный человек ни против чего не восстает так, и со своей силой и со своим бессилием, как против святого поста. Посещать богослужения, приступать к исповеди, принимать Святые Тайны, для сего – каяться, молиться, воздыхать и плакать, – на все это охотно соглашаются иногда люди самые чувственные; но подчинить себя правилам воздержания, предписываемым Церковью, возложить на себя иго святого поста, – это кажется для многих, из самых нехудых христиан, слишком тяжелым, ненужным, даже опасным. Таким образом, святой пост из друга, каким бы надлежало ему быть для всех, превращается для некоторых едва не во врага: вместо того, чтобы прибегать к нему, как к врачевству, бегут от него, как от болезни. Сами чувствуете, братие, можно ли духовным врачам быть хладнокровными зрителями такого положения дел. Итак, не дивитесь, если мы восприимем на время трубу, указываемую пророком, и посвятим несколько минут на разобранье

несчастной тяжбы между нашей чувственностью и цельбоносной силой святого поста.

Я сказал, что против святого поста чувственный человек наш восстает и со своей силой и со своим безсилием. В самом деле, послушайте тех, кои не любят поста; одни из них говорят: «я могу не поститься, для меня нет нужды в посте; чего другие желают достигнуть через пост, у меня то самое есть без поста». Явно, что это голос силы – мнимой или истинной – увидим после. Другие говорят совершенно другое: «пост мог быть для меня полезен, но я не могу поститься; это средство весьма действительное, но оно выше моей немощи». Так говорит, явно, бессилие – мнимое или истинное – также увидим после. Сообразно с сим, обратим, братие, внимание прежде на сильных, а потом на бессильных нелюбителей святого поста.

Что есть люди, кои менее других имеют нужду в посте, это несомненно: как можно сравнять в сем отношении сына роскоши – богача евангельского, и сына нищеты – Лазаря? Кроме сего, известное сложение тела, образ воспитания, особенный род жизни и занятий, известное настроение духа делают некоторых людей, в отношении к добродетели, без поста почти такими, какими другие могут соделаться только посредством продолжительных постов. Все это справедливо; но, не менее верно, братие, и то, что все такие, скажем не колеблясь, весьма счастливые в отношении к делу своего спасения, люди имеют нужду в посте. Для убеждения в сем их самих, достаточно предложить им один следующий вопрос: имеют ли они нужду в покаянии? Признают ли себя грешниками, больными духом и сердцем, и потому имеющими нужду в исцелении своей совести? Без сомнения. Но есть ли какая-либо болезнь, которая врачевалась бы пресыщением, для коей не было бы нужно воздержание и диета? В отношении к телу – нет: а в отношении к душе может быть? Намереваясь врачевать от чего-либо плоть свою, вы будете прибегать к воздержанию и лишениям; а, приступая к врачеванию души, будете позволять чреву своему все, что угодно? Не странное ли противоречие? Согласимся, что пост вовсе не нужен вам (чего, однако же, быть не может), как оплот против чувственности и пороков; так он

нужен вам, как ограда ваших добродетелей: вы не надеетесь через него приобрести что-либо для духа, так возьмите его в помощь, чтобы не потерять приобретенного. Адам в раю был не ниже вас совершенством; возомнил обойтись без поста, – и что вышло? Лот среди самого Содома процветал добродетелями; вне Содома сложил с себя пост, – и что произошло? Положим, что вы и без поста не впадете в пороки грубые; но если впадете и не в грубые без поста, и это важный вред: яд тонкий и медленный все яд, и вы никогда не решитесь принимать его. И как поступаете вы, думающие теперь обойтись без поста, когда находит какая-либо всеобщая опасная болезнь? Надеясь на всю силу и крепость, оставляете ли вы предосторожности? Напротив, вы часто берете их более, нежели люди слабые. А зараза греха для вас ничего не значит? Когда все ограждают себя спасительными учреждениями Церкви, вы думаете безопасно проводить духовную жизнь, продолжая удовлетворять пожеланиям чувственности? И что, наконец, за сила духа, которая выражает себя рабством плоти? Что это за здоровье души и тела, которое не может обойтись без крика и вопля закалаемых животных? Ты и без поста тверд в правилах добродетели? Покажи же эту силу и твердость в обуздании твоих чувственных пожеланий. И без поста думаешь быть истинным христианином? Докажи же своей покорностью распоряжениям общей матери Церкви, что ты точно сын ее, а не противник. Ты говоришь, что имеешь и без поста искреннюю любовь к ближним? Как же ты не боишься, явно нарушая правила поста, подать им повод к соблазну? Не так поступал апостол, действительно сильный духом и искренно любивший ближних: "аще, – говорит он, – брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки» (1Кор. 8:13). Вот истинная сила духа и любовь к ближним! То самое, наконец, что непостящийся произвольно отделяется от всего сонма православных чад Церкви постящихся, есть уже весьма худой признак. Добродетельному Урию предложено было некогда, во время брани Израильтян с Амаликитянами, войти на время в свой дом для успокоения; но он с чувством святого негодования отвечал: «Кивот Божий, и Израиль и Иуда пребывают в кущах... аз же

вниду ли в дом мой ясти и пити». (2Цар. 11:11). А вы, мнимо сильные духом, хотите поступать напротив! Кивот Божий в Церкви покрыт завесой печали, весь Израиль и Иуда в куцах, все православные сыны Церкви постятся; а вы располагаетесь ясти и пити?

Других противников поста я назвал бессильными, потому что, в отражении от себя благодетельной силы поста, они опираются на свою немощь. «Я, – обыкновенный отзыв таковых, – я по немощи своей не могу поститься, хотя бы и хотел». Что отвечать таковым? Упрекать ли их в немощи? Да не будем! Мы призваны врачевать немощное. Не можете поститься, сколько желали бы, – поститесь, сколько можете: таким образом сами увидите, что вы можете гораздо более, нежели думаете. Намерение Святой Церкви не наложить на кого-либо через пост новую, а сложить через него со всех прежнюю тяжесть. Только смотри, в чем состоит сия невозможность поститься: не в тяжести ли некоторой и неприятности для чувственного человека от первых действий? Но это неизбежное следствие почти всех врачевств, в их первом действии, что они сначала ослабляют больных, даже кладут иногда в постель, чтобы возвратить им силу и здоровье. Неудивительно, что и пост начнет свое действие ослаблением нашего ското-человека; в сем самом выражается целебная сила его; из этого всего менее должно брать побуждение слагать с себя пост. Надобно быть терпеливым; продолжать употребление врачевства, и смотреть, что будет далее. Смеем уверить вас, братие, что чем вы будете терпеливее и постояннее в употреблении святого поста, тем скорее увидите его благотворное над собой действие. По прошествии первых припадков тяжести и негодования от раздражительности чувственного человека, лишенного обычной пищи, тяжесть тела будет проходить, смущение чувств заменится тишиной сердечной, горечь врачевства постепенно обратится в сладость, так что, наконец, даже чувственный человек ваш не в состоянии будет сказать ничего против поста, и сам охотно подпишет свой приговор.

«Но я должен в сем случае опасаться за свое здоровье, мое сложение слишком слабо и расстроено». Это возражение

самое употребительнейшее и самое благовидное в устах нашего чувственного человека. Не будем и мы ослаблять его – дадим ему напротив всю силу. Верим, любезный собрат, что твое опасение основательно, что от поста может потерпеть несколько здоровье твоего тела; но – если ты за сию жертву получишь здравие души? – Ужели последнее менее первой? Ужели ты не согласишься променять крепость тела на силу духа? Если так, то ты, явно, печешься более о теле, нежели о душе, меняешь небо на землю, не желаешь искренно своего спасения... Но я чувствую, что такой язык слишком возвышен для многих из нас. Увы, от нынешних христиан нельзя требовать, чтобы они согласились променять прямо землю на небо! Пойдем другим путем. Ты опасаясь постом расстроить свое здоровье! Что ж, если мы скажем тебе, что благоразумный пост есть одно из вернейших средств к восстановлению самого расстроенного здоровья? Духовным врачам с трудом поверят в сем случае: спросите телесных врачей, и они скажут вам то же самое; – уверят, что сим одним способом – постом, благоразумно употребляемым, можно врачевать самые опасные и неисцелимые болезни; что вообще сей, если угодно так назвать, метод врачевания особенно действителен в тех недугах, от коих страдает нынешнее, расслабленное, человечество.

Хотите ли, братие, видеть отчасти, как именно святой пост действует к восстановлению сил нашего тела? Чтобы заставить вас полюбить сие спасительное врачевство из самых чувственных выгод его для здравия телесного, я оставлю на время тон проповедника и приму голос естествоиспытателя. Тело наше не напрасно сравнивается с машиной, искусно устроенной. Движение сей машины заводится и поддерживается двумя способами: дыханием и питанием. Дыхание есть нечто непрестанно действующее, без чего нельзя жить. Тут нет места посту; хотя и здесь полезна умеренность. Питание не таково: оно необходимо, но по временам; непрестанное питание причинило бы смерть. Это указание самой природы на пост, как на средство к поддержанию здравия. Притом питание есть вещь многосложная в своем производстве: нельзя без изумления видеть, сколько труда бедному телу над пищей, чтобы

превратить ее в сок и кровь. Как ни прочно устроены для сего органы питания, но от непрестанной работы они утомляются и ослабевают до того, что не в состоянии бывают отправлять своего дела, как должно. Отсюда расстройство органов питания; а отселе – необозримое полчище болезней. Посему одна из главных целей науки врачебной есть восстановление должного действия органов питания. Но как восстановить его? Первее и надежнее всего – прекращением работы изнурительной. Это самое внушает нам уже сама природа, лишая нас при болезнях каждый раз побуждения к пище, и производя отвращение к ней. Надобно только повиноваться и тотчас обращаться к посту. Призванный, вовремя, сей врач скоро поправляет все дело самым простым и естественным образом. Не имея нового материала для работы, органы пищеварения во время поста доканчивают все прежние уроки свои; продолжают потреблять все, с разных времен оставшееся, и что остатком своим тяготило их и все тело. Истощив свой собственный запас, сии органы собирают и употребляют запасные соки, находящиеся по всему телу, кои, оставаясь долго без употребления и перемены, также портятся и портят тело; истощив и это, обращают свое действие на самих себя, исправляют, так сказать, и поновляют на досуге весь свой снаряд, скрепляют ослабевшее, возбуждают от бесчувствия уснувшее, стягивают расширенное, отверзают заглохшее, и таким образом приводят себя в состояние действовать правильно снова. Поскольку же от органов питания зависит весь состав тела, то благотворные действия, в них совершающиеся, быстро отзываются во всем теле: обращение крови и соков нервных становится правильнее и свободнее; излишки и недостатки в разных видах и местах исчезают; жизненная сила, не подавляемая более тяжестью плоти, не истощаемая непрестанной работой, пробуждается, оживает и делается способной исправлять сама собой многие, даже важные повреждения. А таким образом неприметно проходят самые упорные болезни.

После таковых действий поста на здоровье тела, – а я не увеличил, а разве много ослабил их, желая в описании их

избежать того, что не для всех понятно, – не вправе ли мы, братие, изменить теперь свой голос, и вместо того, чтобы защищать пост от жалующихся на слабость здоровья, предложить его им, как самое главное врачевство? Вам жаль вашего телесного состава, вашего слабого сложения? Сжальтесь же над ним действительно, и призовите на помощь святой пост, которого требует самая природа тела вашего. Как? Вы даете покой машинам в ваших работных храминах, и не дадите его никогда своему чреву? Вы погашаете по временам лампаду, чтобы дать время очистить ее, и хотите, чтобы внутри вас непрестанно горел огонь, и чтобы, несмотря на сие, там было все всегда чисто? Пусть бедный стомах ваш узнает, хотя изредка, что над ним благоразумный владыка, дающий ослабу, а не тиран, изнуряющий непрестанной работой. В награду за сие получите не тягость и слабость, коих столько опасаетесь, и кои скоро пройдут, а крепость, живость, легкость и особенное некое чувство здоровья, коего вы теперь не имеете. Самый позыв на пищу, испорченный от непрестанного пресыщения, сделается живее, тонее, благороднее, и удовлетворение его будет сопровождаться гораздо большим удовольствием, теперь для вас вовсе недоведомым.

В заключение сего изображения благотворных действий святого поста для самого тела, не излишним почитаю, братие, указать вам на примеры людей, кои не одну Четыредесятницу, а всю жизнь проводили в посте. Сколько бы, вы думаете, жили они? Умирали преждевременно? Не достигали последних пределов жизни? Нет, большей частью, далеко переходили за них: иной жил восемьдесят, другой девяносто, иной – более ста лет.

После сего для самых животолюбивых, самых чувственных людей ничего более не остается, как облобызать воздержание и возлюбить святой пост. Аминь.

Слово во вторник недели 1-й Великого поста, на часах

«Вострубите трубою в Сионе... освятите пост, проповедите цельбу... воззовите ко Господу усердно» (Иоил. 2:1, 1:14).

Приглашение сие так ясно, что его можно было понять с первого раза. И однако же, пророк, несмотря на краткость своего пророчества и разнообразие предметов, о коих предлежало ему говорить, обращает его к народу еврейскому дважды (Иоил. 2:15). Ежели и слово пророческое о посте, слово сильное и живое вдохновением Божественным, имело нужду в повторении, чтобы достигнуть своей цели: то удивительно ли, что наше слово, которое богато одним усердием к вечному благу душ ваших, отзовется иногда об одном и том же предмете в слух ваш несколько раз? Если бы мы даже иногда простерли усердие свое и до некоего излишества, то и в сем случае, – молим любовь вашу, – «нетяжко приимите нас». Ибо, скажем словами апостола, мы проповедуем вам, «не яко да» сами «искусны явимся, но да вы доброе сотворите; мы же яко неискусны будем» (2Кор. 13:7).

Итак, последуя слову пророческому, обратимся паки к святому посту. В прошедший раз мы видели благотворное действие его на самый телесный состав наш; теперь посмотрим на то, как он врачует души и сердца наши.

Одно из самых лучших одобрений врачевству, коль скоро оно употребляется всеми, это знак, что все, или, по крайней мере, весьма многие, испытали над собой его благодетельную силу. Смотрите же теперь, где нет поста? У иудея – пост, у магометанина – пост, у язычника – пост; в Индии постятся, в Китае постятся, постятся даже у диких народов. Что могло расположить народы, столь противоположные, полюбить столь противное чувственности нашей средство, как не твердое убеждение в его общепользности? И откуда это убеждение в пользе поста, как не от испытания ее на самом деле? За другие средства могли стоять или умозрение, или естественные наклонности, или выгода: за пост кто и что станет? Один опыт. И

сей опыт, надобно сказать, в отношении к посту, так велик, что простирается далее пределов человечества. Ибо что не постится на земле? Животные? И они постятся, пребывая по временам без пищи, а некоторые наблюдая в сем как бы некую особую заповедь в известные времена. Растения? И у них есть пост; и они не всегда равно получают питательные соки из земли, в продолжение целых месяцев вкушая весьма малую пищу. Самая земля приемлет на себя в урочные времена вид постящейся, а иногда, например во время засухи и зимы, подвергается как бы особенно наложенному на нее посту.

Для чего такая всеобщность поста в природе? Для восстановления изнуренных сил. Казалось бы, питание должно подкреплять и восстанавливать силы всего живущего, и, однако же, одного питания не достаточно для сего: нужен пост, как восстановитель сил самого питания.

После сего уже нетрудно судить, может ли обойтись падший человек без сего всевосстанавливающего средства, то есть поста? Напротив, для человека пост есть, можно сказать, природное средство к восстанию. Ибо с чего началось и в чем состояло первое падение наше? В том, что мы, в лице прародителя нашего, не соблюли поста. Если бы пост был сохранен в раю, – говорит один учитель Церкви, – человек и доселе оставался бы в раю: а мы можем сказать, что если бы пост был сохраняем и вне рая, то мы паки давно приблизились бы к Едему. Ибо с чего и теперь начинается падение каждого из нас? С нарушения заповеди о посте. Не соблюл поста во взоре и слухе? – потеряна чистота сердца. Не соблюдено поста в мыслях и умозрении? – отворена дверь вольномыслию и неверию. Нарушен пост в желаниях? – делаешься рабом любостяжания и гордости. Пренебрежен пост языка и уст? – вышел кощун и празднослов. А что, наконец, бывает, когда пост и воздержание вовсе удаляются от трапезы? В таком случае нередко прилагаются скотам бессмысленным даже такие люди, коим, по-видимому, суждено было стоять выше человечества. Что же, братие, после сего дивного, если Святая Церковь, принимая нас на свои руки для врачевания духовного в

настоящее время, первее всего, посредством поста, старается затворить и иссушить главный источник зла, нас снедающего?

Пост одним появлением своим уже рассеивает многочисленную толпу беспорядков и соблазнов; сравните нынешние дни с прошедшей неделей: где прежде были бесчинные собрания, там тишина и порядок; не видно людей, бесчестящих природу человеческую; не слышно кликов, раздирающих целомудренный слух; каждый идет степенно к своему делу; встречается ли с кем-либо – не заводит пустых речей; даже спорит ли – спорит мирно; даже гневается ли – гневается умеренно. Если бы кто, видевши город прежде, посмотрел на него теперь, и не знал, что наступил святой пост, то подумал бы, что с нами произошло какое-либо чудо. А в чем это чудо? В посте. Затворен источник зла, и сами собой иссякли протоки. Без сомнения, такая благотворная перемена в городе предполагает перемену на лучшее и в домах; и там теперь все должно быть тише и благообразнее; муж менее терпит от сварливой и упрямой жены; жена не столько страдает от гордого и нечувствительного мужа; дети менее преданы шумным играм; слуги не так развлекаются услугами, не столько воздыхают от прихоти господ; самым домашним животным более теперь ослабы; самые бездушные вещи, употребляемые обыкновенно в хозяйстве, теперь как бы отдыхают. Все это произвел пост одним появлением своим.

Но это еще только предначинательное действие врачевства; при дальнейшем правильном употреблении поста, вместе с другими духовными врачевствами, он проникает до самой глубины проказы греховной, и возвращает человеку здравие душевное не на несколько дней, или недель, а на всю жизнь. Чтобы видеть, каким образом происходит сие, низойдем мыслью к самому главному источнику зла, нас снедающему.

Отчего мы, и желая быть добрыми, следовать во всем закону Божию, остаемся рабами своих похотей и страстей? Оттого, что в нас превращен порядок вещей: тело наше должно бы служить орудием души и быть в полном подчинении рассудку; а у нас душа служит орудием тела и рабствует его наклонностям. Мало сего: плоть, господствуя над духом,

употребляя его непрестанно по своим чувственным, нечистым видам, до того ослабляет и унижает дух, что он не в состоянии бывает служить даже хорошим орудием для тела, сам требует, плотянеет, даже вовсе теряется и как бы исчезает; смотря на таких людей, мы невольно бываем принуждены вопрошать: есть ли в таком человеке душа? Сам Господь, когда посмотрел пред потопом на подобных людей, то нашел, что они – одна плоть. «Не имать Дух Мой пребывати в человецех сих... зане суть плоть» (Быт. 6:3).

После сего явно, братие, что то средство должно назвать превосходно действующим для нашего исправления, коим наиболее освобождается дух из-под рабства плоти. А что первее и наиболее может содействовать сему освобождению, как не святой пост? – Чувственный человек наиболее предан пище и питию; чрево, по выражению апостола, есть его бог; и вот этот самый кумир ниспровергается самым первым действием поста, который посему всегда, как ни появляется, есть уже знамение владычества духа над плотью, есть вестник освобождения его от рабства. Чем далее и строже соблюдается пост, тем более возрастает свобода духа: кто в состоянии лишать себя, когда только захочет, вовсе пищи, тот явно еще более в состоянии лишить себя пищи роскошной, тому еще легче обойтись без вредных для чистоты сердца зрелищ, без шумных и убийственных игр, без чтения соблазнительных и пустых книг, без щегольства в нарядах и прочее. А такая возможность располагать собой и ограничивать себя уже сама по себе весьма много значит: ибо ее-то и недостает у многих, и от сего-то недостатка многие, несмотря на доброту сердца и множество благих чувствований, весь век проводят в рабстве плоти и мира, слепых прихотей и страстей. Доставляя такую свободу духу и такое владычество над телом, святой пост упрочивает все сие тем, что, с одной стороны, отнимает у тела многие, вредные для духа, качества, с другой – дает духу силу и крепость для поддержания своего святого достоинства. Сравните свое тело до поста и после поста, даже непродолжительного; вы увидите, что самая тяжесть его значительно изменилась. Вследствие поста тело наше получает

легкость и удободвижимость: кто едва мог преклонить главу для выражения своей покорности пред своим Создателем, тот свободно уже может повергаться пред Ним на землю в духе покаяния. За легкостью следует умирение всех чувств телесных: бесчинные взыграния плоти, от коих часто страдают самые лучшие из людей, незнакомых с постом, исчезают сами собой, как кипение в сосуде, под коим потушен огонь; яростные движения при неудовольствиях и огорчениях, если не прекращаются вовсе, то теряют силу, как стрелы, пускаемые из лука, у коего ослаблена тетива. Облегченное, умирненное таким образом тело, вместо того что самый дух прежде доводило до огрубения и оплотняелости, само тонеет и как бы одухотворяется, с охотой следует за всеми движениями духа, легко переносит подвиги любви и самоотвержения, начинает, по выражению Давида, радоваться «о Боже живе и утреневать ко храму святому». Посему, когда приходит самая смерть для разлучения души от тела, то, найдя их в законном отношении друг к другу, не видя, чтобы дух был со всех сторон опутан узами плоти, совершает разлучение их скоро и тихо, не употребляя для сего лютых потрясений и страданий. Самое тление не смеет простереть обычного ему облака смрада на тело, освященное постом: состав его разрешается в чистоте, как весенний снег при сиянии утреннего солнца.

Уже по сему можете судить, братие, как должно быть хорошо душе под осенением святого поста. Восприняв владычество над плотью, не связуемая ее требованиями и прихотями, она начинает новую, себе сродную жизнь и деятельность. Попечения ее уже не устремляются на удовлетворение одним нуждам чувственным; время, дотоле траченное в удовольствиях, проводится или в Богомыслии, или в подвигах любви и смирения. Каждая способность души является после поста в другом, лучшем виде; зеркало совести, не затемняемое дыханием плоти, становится чище и отражает в себе гораздо яснее закон Божий и беззакония наши, дает видеть самые незначительные пятна, самые невеликие уклонения с Царского пути долга; воля принимает силу на управление всего корабля души и, сосредоточенная в деле спасения, прямо

устремляет его к вечному пристанищу; воображение, не загроможденное образами нужд и утех плотских, живописует предметы священные, Крест и страдания Спасителя, Страшный Суд, блаженство праведных и мучения грешных; память вернее отдает свой залог, не скрывает пеленой забвения прежних грехов, пренебреженных уроков Промысла, опущенных случаев к самоисправлению, неисполненных обетов; рассудок легче и связнее судит о предметах духовных, скорее решает недоумения совести, громче твердит о нужде примирения с Богом и приуготовления себя к вечности; в сердце является теплота, и проторгается источник святых чувствований, от коих невольно текут очистительные слезы покаяния; вкус очищается, получает отвращение не только к грубым, но и утонченным наслаждениям плоти, и склонность к радостям и утешениям духовным; словом, вся душа со всеми ее мыслями, желаниями, намерениями, чувствами, принимает направление высшее, тонеет, сосредоточивается, живет, одухотворяется; весь человек изменяется на лучшее. Посему, когда наступает время употребления других духовных врачевств: исповеди и святые причащения, то они находят уже человека приготовленным. Благодать Божия, на расчищенном от поста поле, спокойно совершает свое сеяние и жатву в жизнь вечную.

Изображая таким образом благотворные действия поста, я, братие, как сами видите, ограничиваюсь самыми очевидными, обыкновенными и, так сказать, неизбежными его действиями, ограничиваюсь потому, чтобы представить его в удобоприемлемом для каждого из вас виде. Каких чудес не открылось бы за сим, если бы, идя по лестнице опытов святых людей, мы решились взойти на самый верх, и оттуда посмотреть, что производил и, следовательно, что может производить святой пост! Вы увидели бы, как Моисей, после сорокадневного поста, делается способным принять на Синае закон, среди громов, молний и бурь; как Илия, после такого же поста, удостоивается на Хориве видеть славу Божию, и потом сам возносится с плотью на небо на колеснице огненной; как Предтеча воспитывается постом в человека, более коего «не воста в рожденных женами»; – как Сам Спаситель не прежде

исходит на подвиг спасения всего мира, как приготовившись сорокадневным постом в пустыне; как апостолы пребывают в посте, ожидая сошествия Святого Духа, и снова предаются посту пред каждым важным делом; как Святильники Церкви: Василии, Григории, Златоусты – находят в посте неистощимый елей для горения на свещнике Церкви; как обращаются к посту, за духовной помощью, самые вожди народа: равноапостольные Константины, Иустинианы, Владимиры; как пост образует целый сонм Ангелов во плоти, коих святые и нетленные тела составляют драгоценное сокровище нашего града. Но о всех сих чудесах святого поста нам довольно упомянуть: это доля избранных Божиих; для нас достаточно, если пост послужит к исцелению собственной души нашей от язв греховных. И он послужит к сему, если мы возлюбим его сердечно; если, возлюбив, будем благоразумно употреблять сие врачевство. Благоразумно, говорю, ибо не должно сокращать, что врачевство святого поста, как и всякое врачевство, может быть употребляемо неправильно, и, употребляемое таким образом, может, подобно всякому врачевству, не приносить пользы, даже обращаться во вред.

После сего, братие, если для вас дорого здоровье душевное, вы по необходимости должны спросить: как надобно поститься, чтобы получить всю духовную пользу от поста? Но вопрос сей так важен, что разрешение его не может быть поверхностным; и потому мы займемся им в следующий раз. А до того времени, молим вас – размыслить о слышанном и начать поверять то, сколько можно, собственным вашим опытом, который, без сомнения, откроет вам гораздо более, нежели сколько можно было, по краткости времени, сказать вам отсюда. Аминь.

Слово в среду недели 1 -й Великого поста, на утрени

«Вострубите трубою в Сионе... освятите пост, проповедите цельбу... и воззовите ко Господу усердно» (Иоил. 2:1, 1:14).

Освятите пост! Но разве пост сам по себе не свят, что его надобно освящать?

Нет, братие, пост сам в себе свят и чист, а бывает не свят по причине нашей нечистоты, подобно тому, как чистый и золотой сосуд теряет чистоту и благолепие от прикосновения к нему рук и уст нечистых. В самом деле, посмотрите на постящихся: один, предавшись посту, думает неядением яств вознаградить закону и правде Божией за свои грехи, и, в ложном мечтании о своей святости, позволяет себе презирать, как грешников, всех, кто не постится подобно ему: не нужно ли освятить такой горделивый пост смирением? Другой, в жару благочестивой, но необдуманной ревности, вдруг предается посту до того, что делает себя неспособным к исправлению дел своего звания: не должно ли и сей неразумный пост освятить благоразумием христианским? Третий, ограничивая пост телом и его нуждами, нисколько не думает о пощении духовном, о воздержании от страстей, о делах любви и благочестия: и сей односторонний и бесплодный пост, явно, требует освящения посредством внутреннего самоотвержения, богомыслия, молитв и благотворительности.

Итак, братие, желая освятиться посредством поста, освятим прежде, по слову пророка, самый пост. Каким образом? **Во-первых**, освобождением нашего поста от неправильных понятий о нем, кои превращают его и отнимают у него силу; **во-вторых**, правильным употреблением наших пощений и ближайшим направлением к их цели; наконец, соединением поста с другими делами веры и любви.

Мы назвали святой пост врачевством для души. Такое понятие о посте уже немало помогло нам в изображении его благотворных действий. Сего же понятия о посте, несмотря на простоту его, достаточно будет и теперь, дабы вывести из него

все главные правила, кои должно соблюдать нам во время поста.

Пост есть врачевство души и тела; посему тот был бы в жалком заблуждении, кто, понадеясь на силу своего поста, возомнил бы найти в нем одно средство к примирению с Богом, к удовлетворению закону и правде Божией, к вознаграждению за свои грехи, к уплате долга совести. Врачеванием своих болезней не платят своих долгов, не вознаграждают обид, причиненных кому-либо, не примиряются с законом. Преступник, исцеленный от болезни посредством чего бы то ни было, все – преступник. Для освобождения от угрожающей казни нужно не здоровье, а совсем другое – оправдание или помилование. Вы знаете, Кем и как доставлено всем нам это Божественное оправдание и вместе помилование, – заслугами и Крестной смертью Сына Божия, за нас подъятой. Посему, кто возомнил бы без веры в заслуги и смерть Спасителя одним постом удовлетворить на суде правде Божией за свои грехи, тот сим самым показал бы совершенно ложное понятие и о правде Божией, и о своих грехах. Какое удовлетворение закону Божию в том, что мы не вкушаем пищи? Всесвятой правде Божией, оскорбленной нашими грехами, не могут удовлетворить самые добродетели наши; ибо все они суть неперемный долг наш. Ей удовлетворяет, как мы сказали, одна смерть Сына Божия, за нас подъятая. Посему, чтобы наш пост был действителен и благоприятен Господу, мы должны удалять от него всякое понятие, как о жертве за грехи, а представлять его только средством к ослаблению в нас пагубной склонности к чувственности и постыдного рабства плоти, и вместе с сим должны, как можно более, освящать его верой в заслуги Икупителя, которая одна, усвояя их душе нашей, сим самым оправдывает нас пред Богом. Вот первое освящение поста – верой и упованием!

Пост есть врачевство для души и тела; посему и тот, явно, поступил бы вопреки самому существу поста, кто, соблюдая пост, думал бы, что по тому самому он имеет право превозноситься над всяким, кто не постится, подобно ему. Гордятся ли множеством лекарств, или продолжительным

употреблением их? Напротив, это часто почитают нужным скрывать. Зачем же ты будешь превозноситься своим постом? Если он велик: то это знак, что ты еще мал. Если он продолжителен: то без сомнения потому, что болезнь твоя упорна, или здоровье ненадежно. Чем тут превозноситься? Ближний твой не постится, подобно тебе? Может быть, он уже здоров духом и не имеет нужды в сем врачевстве; может быть, это врачевство принимается им в другом виде, нежели в каком принимаешь ты. Хотя бы он был духовно мертв без врачевства, тобой употребляемого, все ты можешь и должен только сожалеть и молиться о нем, а не гордиться тем, что ты постиг силу врачевства и употребляешь его как должно. Но ты никак не можешь употреблять его как должно, доколе не осветишь своего поста смирением. Ибо общая болезнь человеческая, которую ты предпринял врачевать в себе постом и покаянием, главным образом состоит в самолюбии и гордости. Посему-то Святая Церковь никогда так громко и многократно не молит Господа, как во время поста, о том, чтобы Он даровал каждому из нас «зрети своя прегрешения и не осуждати брата своего». Стоит он? Своему Господеви стоит. Падает? Своему Господеви падает, Который всегда силен восставить его. Всяк должен смотреть за собой: стоит ли он, – не падает ли он? Это второе, необходимое освящение поста – смирением!

Пост есть врачевство для души и тела, посему его надобно и употреблять как врачевство. Как употребляются лекарства? Большею частью не вдруг, а постепенно, в известной мере. Употребление всего врачевства вдруг, во многих случаях, причинило бы смерть. Пост, по самому существу своему, принадлежит к врачевствам, употребляемым не вдруг. Посему тот поступил бы безрассудно, кто, решившись прибегнуть к посту для врачевания своей души, вдруг лишил бы себя пищи на слишком долгое время. Вместо пользы, отсюда может произойти вред; таким образом постящийся сделается неспособным к делам звания своего, ослабеет, даже может подвергнуть опасности свою жизнь. Тогда что пользы: одно нареkanie на пост. Святые подвижники постились весьма долгое время, приучив себя к тому постепенно. Парить за сими

орлами к облакам могут только, подобные им, орлы; для нас довольно начать приподниматься от земли. Усовершенствошься в полете, тогда стремись выше и далее.

Что еще наблюдают при употреблении врачевств? Соразмеряют их с возрастом, телосложением и другими обстоятельствами врачуемого. То же надобно наблюдать и при употреблении поста. Безрассудно было бы малолетнему, или престарелому, или немощному возложить на себя такой пост, какой могут переносить только возрастные, крепкие и полные жизни. Святая Церковь, как чадолюбивая мать, не забыла обратить внимание на все сие; и как сама уставила правила снисхождения применительно к положению постящихся, так поставила в обязанность делать то же самое духовным отцам, при наложении на кающихся поста, в виде епитимий. После сего нам остается только быть внимательными к своему положению и пользоваться благоснисходительным руководством Святой Церкви и ее пастырей. Это третье освящение поста – благоразумным употреблением его, по мере своих сил и нужд.

Пост есть врачевство для души; посему во время поста надобно смотреть не на одно тело, а более на душу. И при врачевании телесных недугов, состояние души много значит; потому врачи и советуют, при употреблении лекарств, соблюдать как можно более душевного спокойствия, не думать о том или другом предмете, стараться занимать воображение тем, что есть лучшего. Тем более нужно это при употреблении поста. Какое вредное было бы противоречие – тело лишать пищи, а душе в, то же время позволять предаваться мирским помыслам, яростным движениям, порывам самолюбия или ненависти! Это значило бы другой рукой разрушать то, что насаждается и создается одной.

Спросите: какие занятия особенно приличны посту? Во-первых, молитва, общественная и домашняя; потом самоиспытание или исследование своей жизни и совести, размышление о предметах веры, особенно о жизни и учении, страданиях и смерти за нас нашего Спасителя; далее – примирение со всеми врагами и прощение обид, дела человеколюбия и благотворительности; чтение слова Божия и

душеспасительных книг, беседа с людьми благочестивыми, и тому подобное. Каждое из сих средств помогает действию поста, увеличивает его силы, услаждает его горечь, и таким образом освящает наш пост.

Наконец, пост есть врачевство сильное и необходимое, но вместе с сим, отнюдь, не единственное, а приуготовительное к другим, высшим, духовным врачевствам; посему, предаваясь посту, надобно всегда иметь в виду дальнейшую цель, то есть, покаяние, исповедь и причащение Святых Тайн. Пост должен помочь тебе сперва выйти из-под власти чувственности, уничтожить силу и власть плотских страстей, дать свободу и удобность обозреть свою жизнь, узнать, как можно вернее, язвы своей совести, найти главную страсть, тебя снедающую, расположить искренно искать от нее исцеления, решиться однажды и навсегда – начать жизнь добродетельную. Если сего нет, то пост, значит, еще не доставил тебе существенной пользы, и надобно или усугубить его, или исправить. Надобно усугубить его или исправить и в таком случае, если, постясь, ты не приблизился духом к своему Спасителю, не почувствовал нужды в заслугах Его, не ощутил духовного глада к насыщению себя Божественной трапезой Тела и Крови Его, не слышал еще в себе гласа любви Его, призывающей к соединению с Ним.

Как ни кратки и просты сии правила поста, мной предложенные, но если мы будем, братие, наблюдать их постоянно во время нашего пощения; то есть, если будем растворять пост наш верой, смирением и молитвой, будем соразмерять его с силами и потребностями нашими, будем, постясь телесно, поститься в то же время и духовно: то пост наш будет свят и благоугоден Господу, и послужит в освящение душ и телес наших.

Между тем из самых наставлений о посте, мной предложенных, уже вы видите, братие, как нужно каждому из вас, вступая на поприще поста, со всей основательностью, размыслить предварительно о том, как ему поститься? От чего особенно воздержаться? До чего простерть лишение? Чем и как занять себя в это время? Для многих при сем случае может еще открыться нужда в совещании с людьми, опытными в духовных

подвигах. Не пренебрегайте сим важным средством; примите труд найти для себя благоразумного руководителя. Когда мы предпринимаем врачевать какую-нибудь важную болезнь тела, сколько бывает у нас предварительных размышлений! Готовы, если бы можно было, созвать врачей со всего света! А приступая к врачеванию души – делу такому важному, последствия которого простираются на всю вечность, – думаем произвести сие без особенного размышления, наскоро, поверхностно, как бы дело шло об уврачевании какого-либо домашнего животного! После сего удивительно ли, что самые превосходные средства духовного врачевания, представляемые нам Святой Церковью, не приносят пользы, и употребление их, оставаясь без плода, служит нередко к нареканию на самые средства?

Да не будет сего ни с кем из вас, возлюбленные! Да соделается святой пост спасительным врачевством для душ и телес наших! Пророк, коего слова мы каждый раз полагали в основание беседований наших о посте, имел утешение живописать потом благотворные действия, кои пост, покаяние и молитва, им заповедуемая, произвели над его слушателями. Ничего не приписывая слабому слову нашему, но всего ожидая от всемогущего действия благодати Божией, избравшей нас недостойных в служение слова, и мы дерзаем уповать, что, по окончании поприща святого поста, с наступлением святых дней Воскресения Христова, когда нам должно будет изображать качества человека, воскресшего со Христом и обновленного благодатью, мы будем иметь, драгоценное для нас, утешение, если не указать на кого-либо из вас в примере духовного обновления, то, по крайней мере, иметь его для себя в виду. Аминь.

Слово в среду недели 1-й Великого поста, на часах

Третий уже день, как мы странствуем духом по святой пустыне Святого и Великого поста. Израильтяне, по своем исходе из Египта, в продолжение сего времени прешли уже Чермное море и воспели песнь благодарения Богу Спасителю: где теперь мы и что с нами? Быть не может, чтобы лютый фараон – бог века сего, отпустил охотно и нас из рабства плоти и мира, чтобы не преследовать нас в пустыне поста со всем воинством своим – со всеми соблазнами жизни чувственной. Что же? Прошли ли мы Чермное море – склонности к чувственному? Видели ли потопление мысленного фараона в волнах слез, происходящих от сердца сокрушенного и духа смиренного? Если так, то и нам должно воспевать духом песнь благодарения Господу. Без Его всемогущей благодати, мы не только не вышли бы из Египта – греховного служения миру и плоти, но и не подумали бы выйти: доселе мучились бы, подобно израильтянам, плинфоделанием, работали бы – «во истление».

А возблагодарив Господа за разрешение от уз плоти и мира, за спасение от врага, нас преследующего, надобно, братие, поспешить духом к Синаю и Хориву – к таинству покаяния и исповеди, для вступления через него в завет новый с Богом отцов наших, для принятия от благодати Его нового закона духа и жизни на скрижалех душ и сердец наших. В пустыне поста нет постоянного жилища; стремись вперед, доколе не достигнешь земли обетованной – духовного бесстрастия и единства с Богом. Встретятся воды мерры – уныние, душевная тягость и горечь, – повергай в них древо креста – живое размышление о страданиях Господа, за нас подъятых, – и горечь усладится. Нападут амаликиты – темные помыслы, нечистые пожелания, – простирай руки, подобно Моисею, во образе креста к тому же Спасителю, – и враг отразится. Будут угрызать змии – внешние соблазны от мира и плоти, – снова взирай, подобно израильтянам, на древо креста,

– и силой Распятого на нем исцелится всякая язва. Пустыня поста суха и бесплодна для человека внешнего; но для внутреннего здесь все: и Синай с откровениями небесными, и скиния Божия с вечным священством, и манна утешений благодатных. Пойдешь неослабно вперед – достигнешь Ханаана – успокоишься от бремени греховного и изнурительных работ плоти и миру. Возвратишься назад – подвергнешься опять жестокому рабству плоти и диавола, – и «последняя» будут для тебя «горша первых» (Лк.11:26). Господь да сохранит нас от сего!

Никто не будь Кореем, никто Дафаном и Авироном! Не пререкай водительству Церкви и ее таинствам, не разноглась с ее правилами, не скучай продолжительностью молитв. Любвеобильная мать знает, что делает: дай ей насладиться лицезрением детей своих! Пройдет еще один день, и свершится таинство покаяния; еще один, и ты будешь причастником Тела и Крови Господней. И там, кто знает – увидит ли тебя опять Церковь, увидишь ли и ты ее? – Мы считаем дни говения, а там, может быть, уже сочтены дни нашей жизни. Будем же бодрственны в подвиге; ибо мы трудимся не для других, а для себя. Придет время, когда за день заплатят веком, – целой вечностью. Аминь.

Слово на литургии преждеосвященных даров в среду недели 1-й Великого поста, о покаянии

Что происходит, братие, в душе вашей, когда вам случится сделать какой-либо важный проступок в ваших житейских делах, – такой проступок, от коего портится весь ход ваших дел, расстраиваются все ваши отношения и кладется пятно на вас перед всеми? Вы, во-первых, ясно видите тогда и вполне чувствуете, что вы точно сделали важный проступок, что стократ лучше было бы не делать его; что если сделанное останется в таком виде, как есть, то вам будет крайне худо. Из сего сознания, из этого чувства собственного несчастья, в вас само собой рождается сильное отвращение не только к вашему худому поступку, но и ко всему тому, что служило поводом к нему, что состоит в связи с ним, что он влечет за собой: вы гневаетесь на себя самих, на недальновидность своего ума, на слабость своей воли, на неверность своих чувств, и готовы наложить на себя самое тяжкое наказание, чтобы отучить себя от подобных грехов. Вместе с сим пробуждается решимость навсегда беречься подобных худых поступков, и всего, что может вести к ним, а напротив любить и делать противное. Далее, если вы видите возможность остановить или изгладить следы своего несчастного проступка, то скоро и неукоснительно приводите в действие и силу все средства к тому. А если не видите такой возможности в себе, а находите ее в других, то обращаетесь за помощью к ним, и получив ее, стараетесь загладить свое преступление так, как бы его вовсе не было. Так бывает с нами, братие, когда мы раскаиваемся сильно в чем-либо по отношению к нашим делам земным!

Подобное сему должно происходить при покаянии во грехах, с тем только различием, что здесь предметом раскаяния служит не один какой-либо поступок наш, а все наше поведение, что побуждением к раскаянию служит представление не потери каких-либо выгод временных, а гибели нашей вечной, и что дело покаяния, как дело нашего

спасения, происходит под особенным содействием всемогущей благодати Божией, открывающей нам грехи наши и их гнусность, возбуждающей в нас отвращение к ним, и подкрепляющей надеждой на милость Божию.

Итак, первое, что входит в состав покаяния, есть живое сознание своей греховности и ее губительных последствий. Это начало покаяния, без коего не может быть никакого продолжения; ибо кто раскаивается, тот первее всего должен знать, в чем раскаивается. Чем яснее познание своих грехов, чем глубже убеждение в их губительных последствиях, тем сильнее и прочнее покаяние. Посему-то Святое Писание так часто и так разительно описывает ужасное состояние человека грешника, чтобы мы хотя из чуждых опытов научились познавать лучше собственное греховное несчастное состояние.

И не надобно думать, братие, что познать всю свою греховность и все несчастье, отсюда проистекающее, есть дело не трудное, как это может представляться с первого взгляда. Познание своих грехов поверхностное точно легко; нет человека, который сказал бы о себе: я безгрешный; равно как нет человека, который решился бы утверждать, что лучше грешить, нежели быть без греха. Но видеть всю глубину своего повреждения; но убедиться совершенно, что всякий грех, как бы он ни был, по-видимому, безвреден для нас, есть зло величайшее, – это очень не легко для нашей поврежденной и грехолюбивой природы! Самолюбие наше так умеет прикрывать самые тяжкие измены наши долгу и совести, что они кажутся малыми недостатками; пороки, самые ужасные, сопровождаются нередко такими выгодами в мире, что образ их для чувственного человека нашего бывает привлекательнее образа даже самой добродетели. Посему-то потребно усиленное действие нашего ума и нашей совести, чтобы узнать всю свою греховность и все несчастье, отсюда происходящее. Печальный опыт доказывает, что это даже невозможно без особенного действия благодати Божией, которая как одна только может исцелить человека от грехов, так одна может и показать ему ясно те смертельные язвы, от коих исцеляют его.

Но когда тем или другим образом убеждаемся, что мы не те, какими нам быть должно, что путь, коим идем мы, есть путь вечной гибели: тогда, вслед за познанием нашей греховности, не может не следовать горькое сожаление о своем состоянии, род некоей ненависти к своему прежнему образу жизни, даже к себе самим. Во всех силах души открывается стремление извергнуть из себя все нечистое и греховное. Самоосуждение, самопрезрение и самоненавидение бедного грешника простирается иногда в сем случае до того, что он готов бывает сам исполнить казни над собой, как показывает пример Иуды. Это крайность отчаяния гибельная; между тем, не слишком надобно удаляться от нее и в противную сторону: ибо природа наша гораздо склоннее в противной крайности, то есть, к нечувствию во грехе; а для истинного покаяния, после познания грехов, нет ничего нужнее, как ненависть к ним. Чем больше кающийся гнушается грехами и собой, тем он ближе к исправлению.

В таком случае, первое и последнее его желание – освободиться от грехов и страстей, и сколько можно исправить зло, им допущенное. Для сего кающийся, как отчаянный больной, желающий выздоровления, готов бывает на все жертвования, самые тяжкие: лжесвидетель готов бывает перед целым светом сознаться, что он предал кровь неповинную; владеющий чуждым стяжанием готов бывает возвратить все по принадлежности с лихвой; невер и кощун согласен употребить все силы ума на укрепление в умах, колеблемых им дотоле, истин.

Но печальный опыт и даже то же размышление, скоро открывают бедному грешнику, что он, при всем желании своем освободиться от темной власти греха и изгладить следствие прежних пороков, не в состоянии сделать ни того, ни другого. Не может исправить своей природы; ибо для сего надобно не только оставить порочные действия (в чем он иногда успевает), но и очистить источник злых действий – сердце; но для сего в нем нет силы: для сего нужно действие Того, Который более сердца нашего, и потому может изменить на лучшее самое основание его. Не может грешник изгладить следствий своих

грехов; ибо следствия сии простираются далеко за круг наших действий, даже за круг наших познаний: они видимы одному Всеведущему, доступны силе одного Всемогущего.

Убеждение в сей сугубой невозможности – освободиться собственными силами от греха и его ужасных последствий, препровождает грешника к последней ступени покаяния, к смиренному упованию на милость Божию. Вера внушает грешнику, что невозможное для него возможно для его всемогущего Спасителя; что если Он подаст крепость, то наша воля утвердится в добре; если Он подвигнет премудрость и силу Свою, то изгладятся все следствия грехов наших, как бы они ни были бесчисленны.

И здесь-то кающемуся грешнику предстает во всем величии Божественное лицо Спасителя человеков; он готов бывает пасть, подобно блуднице, к стопам Его и омочить их слезами, дабы услышать от Него отпущение грехов и принять благодатную силу на сражение с пороком. Священнослужитель Христов, со своей властью вязать и решить, с чашей завета Тела и Крови Господней, есть для него истинный видимый представитель незримой благодати небесной; и он спешит к сим таинствам, как к последнему врачевству от грехов, как к знамению Нового Завета с Богом, как к источнику новой благодатной жизни.

Таков, братие мои, общий ход истинного покаяния! Общий, говорю, ибо подробности его бесчисленны и разнообразны, смотря по качеству душ и сердец кающихся.

Итак, хотите ли принести истинное покаяние? Стяжите познание своих грехов, убедитесь в их ужасных последствиях, пробудите в себе чувство омерзения к прежней греховной жизни, воодушевитесь желанием быть отселе чистыми от греха, решитесь сделать для сего все, что в нашей власти, и спешите к тем благодатным средствам, кои для сего изобретены Премудростью Божией и предлагаются всем нам Святой Церковью. Аминь.

Слово на утрине, в четверток недели 1-й Великого поста, о исповеди

«Во гресех твоих стал еси предо Мною и в неправдах твоих. Аз есмь, Аз есмь заглаждаяй беззакония твоя Мене ради и грехи твоя, и не помяну. Ты же помяни, и да судимся: глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися» (Ис. 43:24–26).

Для Всеведущего ли были неизвестны грехи и беззакония, коими народ израильский покрыт был, по выражению пророка, от главы до ног? И Премилосердый определил уже простить и изгладить грехи Израиля, и не поминать более беззаконий его: между тем, Премудрость Божия в неперменное условие помилования поставляет, чтобы милуемый Израиль не только сознал свои грехи, не только разлюбил и отверг их навсегда, но и чтобы исповедал их в слух всех. «Глаголи ты грехи твоя прежде, и да оправдишися». Для чего это предварительное исповедание грехов? Для того, дабы явно было, что Израиль помнит все грехи свои и ведает всю тяжесть их, что он ненавидит неправды свои, и потому не хочет более скрывать их от правосудия Божественного.

Последуя сему, и Святая Церковь требует, братие, от нас в настоящие дни не одного внутреннего покаяния во грехах наших, а и внешней исповеди их пред служителями алтаря. Будем ли, по гласу самолюбия нашего, пререкать сему благотворному требованию, или ослаблять выполнение его? Но это значило бы: или не доверять Самому Врачу душ и сердец наших, или не желать искренно собственного исцеления от проказы греховной. Нет, возлюбленные, если уж врачеваться, то врачеваться: оставим все суетные мудрования плоти, сбросим все покровы самолюбия и ложного стыда, и явимся к купели покаяния такими, какими входили некогда в купель крещения – нагими!

А чтобы нам более полюбить врачевство святой исповеди, для сего рассмотрим: когда началась исповедь? Кто и для чего установил сие таинство? Что во все времена было уделом тех,

кои или не приносили исповеди, или приносили, но не от сердца?

Когда началась исповедь? Вопрос самый простой, но, в ответ на него, я должен повести вас далеко, далеко – в рай! Да, братие, исповедь райского происхождения; и, может быть, если бы мы принесли надлежащим образом первую исповедь в раю, то не были бы принуждены, по изгнании из рая, горько каяться теперь всю жизнь. Памятуете ли, что последовало за падением наших первых прародителей? Надлежало последовать смерти, ибо ясно сказано было: «в оньже аще день снете от него (запрещенного древа), смертью умрете» (Быт.2:17). Между тем (так благоустроило безпредельное милосердие Творца!) после падения предстала уязвленному грехом человеку не смерть, а жизнь, – Сам Господь жизни: «и услышаста глас Господа Бога ходяща в раи» (Быт. 3:8). Для чего является Сам Господь в такие решительные для нас минуты? – Для принятия от нас – падших, исповеди. "Адаме, – говорит Он, – где еси?" (Быт. 3:9). Мог ли Всеведущий не знать, где был Адам? Но Премилосердый хотел возбудить падшего человека к сознанию своего бедственного состояния, дабы сим познанием расположить его к исповеданию своего греха, к прощению и принятию помилования. Но, увы, мы не поняли ни явления, ни гласа Божия! От явления сокрылись; на глас отвечали не чистосердечным признанием греха, а преступным извинением его: «и рече Адам: жена, юже дал ми еси, та ми даде от древа, и ядох»; жена же рече: «змий прельсти мя» (Быт. 3:12–13). То есть, мы думали вину падения возложить не только на змия, даже на Самого Бога, только бы извинить себя самих! Так окончилась, или, лучше сказать, так превращена была нами самая первая исповедь! Вы знаете, что было следствием такого нераскаяния: худые исповедники посланы на всегдашнюю, тяжелую епитимию до смерти – вне Едема!..

И после сего несчастного опыта первой исповеди, неисчетный в благости Господь не оставил грешников. Первенец Адама, Каин, умерщвляет своего брата: грех явен, преступление ужасно; чего ожидать, кроме наказания? Между тем, вместо казни, открывается исповедь, которая самым

началом своим указывала на благой конец. Паки является Сам Господь и как начинает исповедь братоубийцы? Не угрозами, не обличениями, а отеческим вопросом: «где есть Авель брат твой?» – Но, увы, такой избыток милосердия вызвал наружу паки одно ожесточение: вместо смиренного признания в грехе, несчастный отвечал: «еда страж: брату моему есм» (Быт. 4:9). Известно, что было плодом и сего несчастного злоповедания: «стения и трясыйся будеши на земли» (Быт. 4:12) – сказано нераскаянному исповеднику!

Несмотря на крайнее ожесточение погрязавшего во зле первобытного мира, наступление ужасной казни его потом также предварено было зовом к покаянию и исповеди. Сто двадцать лет гремел спасительный зов сей из уст Ноя, и гремел напрасно! поскольку явно стало, что никто уже не явится для принесения исповеди; то волны потопные смыли нераскаянное племя с лица земли.

Перед рассеянием всех людей по лицу земли за столпотворение Вавилонское, перед истреблением Содома и Гоморры огнем небесным не было исповеди. Но почему не было? Не по недостатку в приемлющих исповедь, а по совершенному отсутствию исповедующихся. В оба си несчастнейшие случаи, Господь Сам, по свидетельству святого Бытописателя, сходил с неба видеть, точно ли грехи и нераскаянность людей превысили всякую меру долготерпения, и, без сомнения, готов был принять милостиво всякий глас покаяния. Но вместо сего гласа, услышал один вопль грехов, восходящий до небес; и потому допустил правосудию Своему поразить нераскаянных грешников.

Когда Премудрость Божия нашла потом средство спасти от конечного потребления веру и благочестие, заключив откровения свои в одном племени народа израильского и оградив сей народ законом и установлениями, милосердие Божие не умедлило воздвигнуть среди сего народа священное судилище покаяния и милосердия. Перед дверьми Скинии свидения, а потом – храма, всегда было множество исповедников, кои, принося за грехи свои различные жертвы, возлагали на главу их свои руки, исповедовали над ними грехи

свои, и таким образом, по силе веры в будущую всемирную за грехи людей жертву Сына Божия, принимали оставление грехов (Лев. 4:29). Кроме сего, каждый год, в день очищения, при собрании всего народа, совершалось великим первосвященником таинственное исповедание грехов всего Израиля (Лев. 16:5–28).

При особенных случаях, являлись и чрезвычайные лица для принятия исповеди: так, пророк Нафан послан был Самим Богом обличить Давида, и, по принятии от него исповеди, объявил ему помилование от лица Божия; так, Ахаав принес покаяние и исповедь перед пророком Илиею (3Цар. 21:27).

Поелику, несмотря на все частные и всенародные исповеди, народ израильский, с продолжением времени, более и более делался недостойным высокого жребия своего; то, перед пришествием на землю Самого Врача душ и телес, послан был уготовать путь Ему Предтеча. Его вся жизнь и все служение состояло в проповеди покаяния и в принятии исповеди от кающихся... "исхождаше, – говорится в Евангелии, – к нему Иерусалима, и вся Иудея, и вся страна Иорданская, и крещавшася во Иордане от него, исповедающе грехи своя» (Мф. 3:5–6). Иоанн не был, подобно священникам иудейским, безмолвным слушателем исповедания грехов: он встречал и напутствовал исповедующихся наставлениями. Хотите ли выслушать одну из кратких проповедей Его? Внемлите! «Глас вопиющего в пустыни: уготовайте путь Господень: правы творите стези его. Всяко дебрь исполнится, и всяка гора и холм смирится: и будут стропотная в правая и острии, в пути гладки. И узрит всяка плоть спасение Божие. Порождения ехиднова, кто сказа вам бежати от грядущаго гнева; Сотворите убо плоды достойны покаяния, и не начинайте глаголати в себе: отца имамы Авраама: глаголю бо вам, яко может Бог от камня сего воздвигнути чада Аврааму. Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко убо древо, не творящее плода добра, посекается и во огонь вметається. И вопрошаху его народы, глаголюще: что убо сотворим: Отвещав же глагола им: имейй две ризе, да подаст не имущему: и имейй брашна, такожде да творит» (Лк. 3:4–11).

Наконец, является Сам «Агнец Божий, взявляй грехи мира» (Ин. 1:29), Господь Иисус. Он с самого начала возгласил в слух всех, что «несть воля перед Отцем Его, да погибнет и един от самых малых». "Приидите – говорит Он, – ...все труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11:28). И действительно доставлял покой всем, кто приходил к Нему с верой и покаянием. Как Сердцеведец, Он не имел нужды, чтобы кто свидетельствовал перед Ним о том, что есть в каждом человеке, какая его жизнь и каковы грехи; однако же, предварял отпущение грехов вопросами: «хощеши ли цел быти?» (Ин. 5:6). «Веруеши ли в Сына Божия?» (Ин. 9:35). И отпущение грехов сопровождал наставлением: иди, и «ктому не согрешай, ...да не горше ти что будет» (Ин. 5:14). Самым последним делом Господа на Кресте, была исповедь разбойника; а по воскресении одним из главных дел – исповедь Петра, отвергшегося во время Его страданий.

Великий святитель «исповедания нашего» (Евр. 3:1) должен был, по совершении дела спасения нашего, взойти на небо, дабы «предстать лицу Божию о нас» (Евр. 9:24), но покаяние и исповедь со всей силой заслуг Его остались на земле. Как ни драгоценны ключи царствия, стяжанного смертью Его; но поскольку мы имеем в них непрестанную нужду, то, еще до смерти Своей, Он передал их апостолам, сказав: «аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех» (Мф. 16:19). Посему первенствующая Церковь представляет множество примеров покаяния и исповеди. Апостолы Христовы также не взяли с собой ключей царствия на небо; доказательством тому множество мест в писаниях их, где они ученикам и преемникам своим заповедуют продолжать великое дело примирения с Богом грешников, и для сего дают право «вязать и решать» – совести.

Ревность и усердие христиан первых веков сделали то, что исповедь была у них действием всенародным, в коем принимала участие вся Церковь. Кающийся исповедовал грехи свои пред всеми, и, в знак раскаяния, всенародно проходил различные степени покаяния с таким самоотвержением, которое ныне изумляет христиан самых ревностных. Избыток святой

ревности дошел, наконец, до того, что всенародное исповедание грехов, столь похвальное по его побуждению, начинало делаться опасным, по немощи слуха многих. Посему Богомудрые пастыри Церкви, особенно святитель Златоуст, поспешили привести сию ревность в должные пределы, обратив исповедь из всенародной в частную – перед одним духовным отцом, какой она без перемены остается и доныне.

Видите ли теперь, когда произошла исповедь? Она современна нашему падению. Видите ли, чье дело исповедь? Это дело милосердия Божия, «не хотящего да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут». Видите ли, на чем утверждается действительность исповеди? Она всецело утверждается на Божественных заслугах нашего Ходатая, особенно на Его Крестной смерти за нас. Видите ли, наконец, чего требуется от исповедующихся? Требуется искреннее раскаяние во грехах, живой веры в заслуги Спасителя нашего и твердой решимости блюстись от грехов на все будущее время. поскольку отпадение наше от Бога и ниспадение во глубину грехов, из коей мы желаем восстать через исповедь, есть тайна, которую никто разрешить не может; поскольку искупление нас заслугами Сына Божия есть также тайна, превышающая наше разумение; поскольку, наконец, самая перемена души и сердца нашего на лучшее, после покаяния и исповеди, есть нечто таинственное, не подходящее под вычисления нашего бедного рассудка: то исповедь, по всей справедливости, называется Таинством, то есть, таким действием, коего сущность превышает силу нашего постижения, и которое по сему самому должно быть принимаемо верой, познаваемо наиболее опытом.

«Все сие справедливо, скажет кто-либо, но почему бы исповеди не совершаться во глубине духа, пред одним Богом? Зачем тут посредники люди?» Затем, возлюбленный, что ты сам человек! Справедливо, что исповедь приносится единому Богу; но надобен ли тебе на твою исповедь ответ от Бога, или не надобен? Если ты искренно раскаиваешься в том, что огорчил своего Владыку, Творца и Благодетеля, то ответ на твою исповедь должен быть для тебя крайне дорог. Как же отвечать тебе? Являться для сего Самому Богу, как Он являлся в раю

нашим прародителям? Но сего, я думаю, и сам никто из грешников не потребует. Или посылать к тебе пророка, как послан был Нафан к Давиду? Но, для сего не хватило бы всех пророков. Или творить какое-либо особое знамение в ответ на твою исповедь? Но таким образом не было бы конца знамениям, и мир превратился бы в зрелище для любопытства. Итак, если для тебя нужен ответ от Бога на твою исповедь пред Ним, то благодари Его благость за то, что ты каждый раз можешь слышать сей ответ из уст твоего духовного отца.

«Но моя совесть, – подумает иной, – может служить для меня ответом?» То есть, подсудимый будет сам изрекать себе помилование! Естественно ли это? Если ты истинно каешься; то совесть твоя, первее и более всего, имеет нужду в успокоении со вне. В сем случае успокоительный голос не только служителя алтаря, даже простого человека весьма дорог, и нередко спасает от отчаяния. «А когда так, – скажешь еще, – то я могу обратиться за сим к кому-либо из ближайших ко мне людей, заслуживших мое доверие». Обратиться за тем, чтобы услышать из уст его прощение от лица Божия?.. Дерзнет ли ближний твой, если он в самом деле благочестив, принять на себя столь великое дело? И какая разница услышать уверение в милосердии Божиим от обыкновенного человека, и услышать его торжественно из уст служителя алтаря, который уполномочен на то Самим Господом храма? «По крайней мере, ограничиться бы общей исповедью пред священником и общим разрешением от него всем исповедующимся?» Так, возлюбленный, и поступили некоторые общества христианские, отделившиеся от Святой, Соборной и Апостольской Церкви; а теперь начинают горько жалеть о своем необдуманном поступке. И как не жалеть? Что сказали бы о тех больных, кои, явившись пред врача, в слух себя одних исповедали свои болезни, и думали, что они сделали все, что нужно? Что сказали бы и о враче, который всем больным без разбора предложил бы одно или два лекарства? Если в болезнях телесных нужна подобная исповедь, то как удалить ее без вреда от болезней душевных?

Само собой разумеется, братие, что исповедь перед священнослужителем нисколько не препятствует исповедям частным – по взаимному христианскому доверию. Напротив, та же Святая Церковь, которая вменяет каждому в неперенный долг исповедоваться перед священником, весьма часто повторяет совет апостола: «исповедайте... друг другу согрешения ваша, и молитесь друг за друга... да исцелее» (Иак. 5:16). Кто препятствует выполнять спасительный совет сей? И много ли, однако же, между ними таких, кои выполняют его? Если у нас существует взаимная откровенность и дружеская исповедь, то разве на соблазн и на грех...

Нисколько также не препятствует исповедь перед священником сокрушенному самоисповеданию грехов своих перед Богом. Напротив, такое самоисповедание есть лучшее и необходимое приготовление к исповеданию грехов перед священником; есть одно из превосходнейших средств к уврачеванию ежедневных грехопадений наших; так что мы ничем не можем лучше окончить нашего собеседования о исповеди, как пригласив вас к употреблению сего средства. А чтобы кто-либо не оставил его, за недостатком руководства, то указываем всем и каждому, на молитву исповедания к Богу человека, полагающего начало спасения, составленную и оставленную, можно сказать, в духовное наследство для всех истинно кающихся святым Димитрием Ростовским. Аминь.

Слово на часах, в четверток недели 1-й Великого поста, о епитимии

Беседуя о исповеди, мы остановили внимание наше на самом существе сего таинства. Но в состав исповеди входит одна вещь, которая хотя не составляет в сущности таинства, но крайне важна по своим нравственным следствиям, и потому требует внимательного рассмотрения. Это – епитимия! Как много понятий о ней неправильных! Одни убегают епитимий, как чего-либо ненужного и излишнего; другие думают основать на ней почти все (великое) дело своего примирения с Богом. Поищем между сими крайностями надлежащей середины, и научимся обращать во благо, что есть в епитимиях истинно душеспасительного.

Что такое епитимия? По самому словозначению с Еллинского языка, это – замечание, выговор, обличение, наказание. Почти то же самое разумеется под именем епитимий и на языке церковном: епитимию составляют различные подвиги и лишения, кои возлагаются на кающихся от духовного отца, при исповеди. Таковы различные виды пощения, покаянные поклоны, урочное чтение различных молитв, посещение святых мест, известного рода милостыни и пожертвования на храмы Божий и в пользу бедных, и потому подобные дела любви и самоотвержения.

Какая сила в сих епитимиях? Та ли, чтобы посредством принимаемых на себя лишений и подвигов удовлетворить правосудие Божие за свои грехи, заплатить, так сказать, свой долг перед Богом, или хотя некую часть его? Так думать – значило бы не иметь понятия ни о своих грехах, ни о правде Божией. Кто в состоянии удовлетворить за свои грехи высочайшей правде Божией, кроме Божественного Ходатая нашего, кроме Его Крестной смерти, за нас подъятой? – Только пречистая Кровь Сына Божия могла угасить пламень гнева Божия на грешников, – и угасила! «Ни едино ...ныне осуждение сущим о Христе Иисусе» (Рим. 8:1), – говорит апостол. Но если нет никакого осуждения верующим, то к чему будет тут наше

удовлетворение? И что могут прибавить наши ничтожные пожертвования к бесконечной жертве, за нас принесенной? Только фарисеи могли думать, что своими постами и милостынями они стяжали право на любовь Божию: христианин заключает все права свои в одном милосердии Божественном и заслугах своего Божественного Ходатая.

Для чего же после сего нужна епитимия при исповеди и к чему может служить она? Для многих и важных целей.

И, во-первых, получившему помилование преступнику всего естественнее желать, как можно скорее, иметь случай выразить чем-либо свою благодарность, доказать, что он точно решился исправить свою жизнь и посвятить все остальные дни свои на заглаживание прежних грехопадений. Где взять сего случая? Ждать, пока он придет сам? Но он может не придти долго: а между тем, жар святой ревности может охладеть от самого времени. В сем отношении епитимия, то есть, какой-либо подвиг лишения или труда, налагаемый на кающегося тотчас после исповеди, есть для него не наказание, а милость и дар. То самое, что назначение подвига духовного вышло из уст духовного отца, который принял от нас исповедь и изрек нам прощение от лица Божия, придает ему характер священный, вид некоей заповеди Божественной, и таким образом спасает от легкомыслия и желания оставить, или переменить, или ослабить подвиг, на себя принятый. Благоразумный выбор епитимий, применительно к качеству страстей или грехов наших, делает подвиг, из коего состоит епитимия, еще плодоноснее по действию на наше нравственное исправление. В сем отношении епитимия, будучи прямо направлена против душевного недуга нашего, совершенно подобна тем врачевствам укрепляющим, кои врачи предписывают больным по прошествии болезни. Исполняя епитимию не сами по себе, по своему произволу, а по назначению духовного отца, мы по тому самому подлежим отчету в исполнении и таким образом, имеем новое, нужное для слабости нашей побуждение, исполнить принятый на себя подвиг с возможной точностью.

Кроме сего, вследствие преизбыточествующей силы заслуг Христовых и для ободрения нашей слабости, примирение с

Богом так упрощено и облегчено в таинстве исповеди, что, можно сказать, зависит от одного нашего слова: согрешил, помилуй! – Такой преизбыток милосердия для духовного человека нашего, проникнутого совершенно чувством своей бедности и омерзения ко грехам, служит обильнейшим источником вечной благодарности к Господу и верности своему обету: не впадать в прежние грехи; но для чувственного человека нашего такая скорость совершения и простота внешнего вида таинства может подавать повод к легкомыслию и возврату на прежнее. Когда, так может думать чувственный человек, покаяние так удобно и легко, то значит грех не так важное зло, как его представляют; я могу опять повторить грехи, опять предаться страсти, и опять получить прощение, когда только захочу, также легко и скоро, как получил теперь. Чем предотвратить и искоренить сии опасные мысли и чувства? Между прочим, епитимией. Чем она труднее, тем сильнейшую составляет узду против легкомыслия. В таком случае самый чувственный и легкомысленный человек по необходимости судит сам с собой так: если за прошедшие грехи я должен лишать себя того и того, понести такой и такой труд: то за новые грехи я должен буду подлежать еще большим лишениям. Такая мысль, естественно, предохраняет нашу слабость от повторения прежних грехов.

Наконец, нужно ли грешнику памятовать о своих грехопадениях? Весьма нужно. Подробности грехов, особенно чувственных, должно всячески сглаживать из памяти, дабы они не портили чистоты воображения и сердца; но память о греховности нашей должна оставаться как источник смирения, как побуждение к осторожности и бдительности над собой. Посему-то почти все грехи сами по себе оставляют за собой некие неприятные следы и по исправлении грешника. Это, можно сказать, естественная, неизбежная епитимия, коей отеческое Провидение Божие предостерегает исправившегося человека от ниспадения в прежние грехи. Но вот, с другой стороны, несчастное свойство природы нашей, что мы ничего так легко не забываем, как наши грехи! Если мы исправились от них, хотя не совершенно, то скоро готовы думать, что мы вовсе

никогда не грешили, расположены смотреть на себя как на праведников. Такое забвение своих слабостей и нечистот весьма вредно для истинного преспеяния в добродетели. Ибо, кроме того, что есть плод самолюбия, оно само питает греховное самолюбие – главный источник всех нечистот наших. Посему какой-либо припоминательный знак наших грехопадений для многих, если не для всех, есть вещь крайне нужная и полезная. И такой-то знак есть епитимия. Самым бытием своим, она, доколе продолжается, непрестанно напоминает грешнику помилованному, что он был не то, чем должен быть, что он принадлежал к числу людей погибших, и избег осуждения единственно по милосердию Господа. Посему-то, кои понимают такое благодетельное действие епитимий, вместо того чтобы желать сокращения ее, нередко желают сохранить ее в каком-либо виде на всю жизнь, дабы всегда иметь ближайшее напоминание о прежнем губительном состоянии души своей и, вместе с тем, о постоянном побуждении к смирению.

Поскольку от благоразумного выбора епитимии весьма много зависит ее действие, то выбор сей есть одна из важнейших обязанностей духовного отца. Святая Церковь помогает ему в сем важном и трудном деле многими правилами святых отцов. Но и ваш долг, братие, помогать духовному отцу в сем важном деле всеми, от нас зависящими, средствами. А главным образом тем, чтобы как можно вернее раскрывать пред ним свое положение, свою совесть, свой характер, свои отношения, свои мысли и чувства. Смиренное представление о невозможности выполнить какую-либо епитимию благодушно приемлется самой Церковью. Не неуместно и обнаружение сомнения касательно нравственного действия какой-либо епитимий. Только надобно помнить: **1)** что выбор епитимий, как лекарства, главным образом принадлежит не больному, а духовному врачу; **2)** что отвращение наше от какой-либо епитимий может нередко служить вернейшим признаком, что это врачевство точно по нашей болезни: ибо главный источник всех наших духовных недугов, как мы уже заметили, есть преступное самолюбие наше, равно как и главное врачевство и основание всех врачевств должно быть отречение от нашей воли; **3)** не

должно забывать, что перенесение епитимий, хотя бы она казалась нам и не по роду нашей болезни, или не по нашему положению, во всяком случае есть благое дело, как опыт духовного послушания, как плод отречения от своей воли, как победа над собой. Аминь.

Слово на утрине, в пяток недели 1-й Великого поста

После дней пощения и молений, настал и день покаяния; время уже явиться на суд духовный для исповедания своих грехов. В суды мирские являются, чтобы оправдывать себя; в судилище духовное приходят с тем, чтобы обвинить себя. Там наибольшей свободой пользуется тот, кто наиболее успел доказать свою невинность; здесь наибольшее помилование тому, кто наиболее признает свою греховность. Что значит сие? Или на небе любят менее правду, нежели на земле? Нет, на суде небесном не может устоять самый Ангел пред очами Господа; по выражению пророка, нечисто само солнце. Если убо мы, слабые и долупреклонные, можем стоять на сем суде и не падать; если мы, оскверненные и нечистые, можем являться перед сей взор и не исчезать: то потому, что с нами поступают не по строгости правды и закона, а по одному чистому милосердию. Почему не поступают по строгости правды? Потому, что по сей правде уже поступлено; потому, что закон уже удовлетворен за нас во всей его силе; потому, что все долги наши уже оплачены сполна; потому, наконец, что самая казнь, коей все мы подлежали за возмущение против Царя небесного, уже перенесена за нас. Вы знаете, братие, кто оказал нам сию многообразную, бесценную и беспримерную услугу? – Спаситель и Господь наш, Иисус Христос. Вам известно и то, как преложен Им для нас гнев небесный на милость? Это сделано Его страданиями и Крестной смертью за нас. После сего, братие, приступая к судилищу исповеди, вы первее всего поспешите облечь себя живой верой в заслуги нашего Икупителя. Без сего таинство исповеди будет не в отпущение, а в обличение грехов. Как осмелиться исповедать грехи в слух небесного Судии, если око веры не будет зреть о страну Его Ходатая и Споручника? Как и служитель алтаря дерзнет изречь вам мир, если не будет на вас знака мира – всепримиряющей Крови Агнца? Нерастворенные верой слова исповеди, и с вашей и с его стороны, не взойдут на небо, а рассеются в воздухе и

падут на землю. Без веры ни вас не услышит Господь, ни вы не услышите Господа.

Одушевившись таким образом верой, вы постараетесь, братие, освободиться, посредством исповеди, от всей тяжести грехов как можно полнее, совершеннее и невозвратнее. Зачем скрывать бедность духовную? Тут кто более откроет свою нищету, тот более и примет. К чему таить язвы совести? Здесь кто полнее обнаружит их, тот вернейшее получит врачевство. И от кого таиться? Судия и Спаситель наш всеведущ; Он давно знает не только все дела, но и все помышления наши; не только все прошедшее, но и все наше будущее. Посему для Него вовсе не нужна и исповедь наша. Но она необходима для нас, для того, чтобы мы имели побуждение глубже вникнуть в свое состояние, тверже узнать самих себя, свою жизнь и свои недуги; чтобы имели случай сильнее возненавидеть грех, видя, как тяжело открывать его; чтобы путем устного исповедания как бы извергли всю скверну беззаконий из внутренности души и сердца. Нежелание открыть грех есть уже сильный признак, что ты не разлюбил грех и не хочешь расстаться с ним. Когда бы ты увидел у себя за пазухой землю, то стал ли бы прятать ее? Не тотчас ли бы употребил все силы, чтобы бросить ее от себя как можно далее, хотя бы это было пред лицом целого света? В случае невозможности сделать это самому, не стал ли бы кричать и звать всех на помощь? Но грех для души то же, что змея для тела. Посему, кто дознал ядовитость его, тот готов исповедать его пред лицом неба и земли, только бы скорее освободиться от него. Так и поступали древние исповедники: они каялись не пред одним духовником, а пред целой Церковью; исповедовались не один раз, а в продолжение целых месяцев и даже годов.

И кто мы, служители алтаря, чтобы стыдиться нас? Не подобные ли вам грешники? Стыдитесь Ангелов Хранителей ваших, а не нас. Мы сами готовы исповедать пред вами свои грехи; и молим вас молиться не за себя только, но и за нас, да возможем непостыдно предстоять и предстательствовать за вас у престола благодати.

Принесши исповедание в грехах своих, вы примите, братие, прощение во имя Господа Иисуса. Это совершается, по-видимому, так просто, так легко, так скоро, что плотской человек наш даже от избытка сей милости может взять повод к безстрастию и ненаказанности, может возомнить, что грех есть нечто неважное, когда в нем стоит только признаться, чтобы получить прощение. Для прогнания от себя сей опасной мысли, вы вспомните, что для произведения сей простоты исповеди нужно было самой Премудрости Божией измыслить план спасения людей, величайший по объему, нескончаемый по продолжению, непостижимый по началу и основанию; что для произведения сей легкости в примирении грешника с Богом нужно было подвигнуться самому всемогуществу Божию, и вместе с собой подвинуть небо и землю, время и вечность; что для произведения сей скорости прощения, нужно было сосредоточить все мучения ада над очистительной Жертвой, принесенной за грехи мира на Голгофе. После сего повод к соблазну и ненаказанности греховной уничтожится сам собой. Как бы ни был прост и безукрашен святой аналой, пред коим будет совершена исповедь, вы станете пред ним, как Израиль стоял пред Синаем; как бы ни было мало Евангелие и Крест, от коих изречено будет вам помилование, вы отойдете от них, как апостолы отходили с Голгофы.

Да, братие, если вы намерены принести покаяние истинное (а не истинное для чего и приносить?), то покаяние, которое совершается в краткое время, но действует на всю вечность; если, говорю, намерены примириться с Богом не на одних словах, а на самом деле, то вы отойдете из судилища покаяния не с рассеянной мыслью о том, кто и как вас исповедовал, не с одним холодным признанием, что вами исполнен долг Церкви и совести, не с одной поверхностной решимостью быть с сих пор лучше и избегать грубых пороков. Нет, вы возвратитесь из дома Божия, как возвратились бы из дома царя тяжкие государственные преступники, кои, явившись туда для услышания приговора на смерть, вдруг услышали помилование и забвение их преступлений; возвратитесь с глубочайшим чувством благодарности к Спасителю душ наших, с твердой

решимостью посвятить Ему и Его закону всю остальную жизнь, с вечным, нераскаянным отвращением от всех прежних грехов, со скорым, неудержимым стремлением вознаградить и изгладить все, что возможно.

Да сбудутся сии советы и благожелания над всеми вами! Да даст вам Сам Господь дух умиления и сокрушения о грехах ваших! О сем молим и не престанем молить Его всемогущую благодать за вас. Аминь.

Слово на часах, в пяток недели 1-й Великого поста, о причащении

В притче о блудном сыне, так трогательно изображающей силу истинного покаяния, видим, что любвеобильный отец, по возвращении к нему заблудшего сына, – в знак совершенного примирения с ним и возвращения ему всей любви отеческой, – немедленно устрояет вечерю столь светлую, что старший сын не мог снести сего торжества без ропота и неудовольствий (Лк. 15). Что же бы, братие, сказал сей взыскательный сын, если бы посмотрел на ту Божественную вечерю, которую Отец Небесный устрояет для нас, по случаю нашего возвращения к Нему с распутий мира?.. Давно ли многие из нас блуждали вне дома отеческого, иждивая, по произволу страстей, дары природы и благодати? – Еще нет седмицы, как мы обратили лицо свое прямо к дому отеческому; едва только произнесли исповедание во грехах своих; не совершили еще, в знак раскаяния, ни единого благого дела; и вот, нам возвращена уже одежда невинности, объявлено торжественно прощение и милость; – а завтра устроится для нас и трапеза в доме Отчем. И какая трапеза? Не из «теляца упитанна» (Лк.15:27), а из Агнца закланного «прежде сложения мира» (1Пет. 1:20), из Тела и Крови Сына Божия! Как мы не полагали меры грехам нашим, так Господь еще более не полагает меры милосердию Своему. Ибо что перед сим чудом любви прочие чудеса всемогущества и Премудрости Божией? Что манна с неба? Что вода из камня? Таинство причащения есть, можно сказать, некое продолжение самой тайны воплощения! Ибо, если... «велия... благочестия тайна: Бог явился во плоти» (1Тим. 3:16), то коликая тайна, когда Он, посредством причащения нас Телом и Кровью Своею, является во плоти нашей!..

Обозревать ли сию тайну во всех ее глубинах? Но для сего надлежало бы мне иметь очи и язык, а вам – слух Ангельский. Для назидания всех нас достаточно будет, если мы, во-первых, рассмотрим, как приуготовлялась сия Божественная трапеза, как в свое время учредилась, и как, учрежденная, хранилась до

наших времен. Во-вторых, обратим внимание на то, что нам преподается на сей трапезе, и как нам должно приступать к ней?

Поелику Божественный Агнец, Коего мы причащаемся в Евхаристии, заклан, по замечанию апостола, еще «прежде сложения мира», то есть, заклан в предопределении Бога Отца и Его собственном; то от самого сложения мира начали являться и знамения не только сего заклания, но и будущего вкушения закланного. Что было древо жизни в раю с плодами его, как не первый прообраз нашей Божественной трапезы? Могло ли древо само по себе доставлять бессмертие человеку, если бы не было символом истинного «древа животного» (Откр.2:7), Сына Божия, в Коем едином, по свидетельству святого Иоанна, «живот бе, и живот бе свет человеком» (Ин.1:4)? Посему-то еще блаженный Августин называл райское древо жизни таинством, а мы можем назвать его таинством причащения.

Для народа израильского, по избрании его в народ Божий, две особенно вещи весьма ясно прообразовали Таинство Евхаристии: манна и агнец пасхальный.

Известно, каким образом получалась манна: она сходила каждое утро, кроме субботы, с неба, и составляла главную пищу для народа израильского во время странствования его в пустыне. По такому происхождению манны, еще Псалмопевец назвал ее «хлебом ангельским» (Пс. 77:25). Но манна выражала более, нежели пищу ангельскую: она предызображала Тело и Кровь Богочеловека. Посему-то Сам Спаситель, когда говорил иудеям о будущем преподании им в снедь Своего Тела и Крови, то прямо указал при сем на манну: «отцы ваши ядоша манну в пустыни, и умроша. Сей есть хлеб сходяй с небесе, да, аще кто от него яст, не умрет. Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе: аще кто снестъ от хлеба сего, жив будет во веки» (Ин. 6:49–51).

Агнец пасхальный, прообразуя собой Крестную смерть Сына Божия с ее спасительными действиями для нас, еще яснее манны изображал будущую Божественную трапезу Нового Завета. Вкушая его, израильтяне спаслись, как известно, от

Ангела истребителя, который послан был поразить Египет: а мы, вкушая Тело и Кровь Господа, спасаемся от злобы миродержателя тьмы века сего, который, по выражению апостола, «яко лев... ходит, иский кого поглотити» (1Пет. 5:8). Кроме сего, пасхальный агнец самыми подробностями священных обрядов, с коими снедался, весьма живо изображал многие обстоятельства страданий и смерти Господа; так, например, его надлежало печь целым, не раздробляя и не сокрушая ни одной кости, что, по замечанию евангелиста Иоанна, в самом точном смысле исполнилось потом над Агнцем Божиим, взимавшим грехи мира на Голгофе; ибо воины «не пребиша Ему голений» (Ин.19:33), хотя за тем и приходили.

Столь ясных и величественных преобразований уже довольно было для того, чтобы всех истинных израильтян приготовить к принятию, со всей верой, новой, таинственной трапезы, которая имела явиться в Новом Завете, под видом Евхаристии. Но, чтобы еще более приуготовить к ней умы и сердца, Спаситель Сам предварительно обращал внимание Своих слушателей на крайнюю нужду всего человечества в новом, высшем и лучшем питании, нежели каковы были манна и агнец пасхальный, и прямо объявлял, что сие питание должно составиться из собственного Тела и собственной Крови Его, кои Он имел принести в жертву за живот мира. Одну беседу Его о сем, сохраненную евангелистом Иоанном, можно назвать пригласительной к причащению: по сему самому вы не откажетесь выслушать ее теперь со всем вниманием.

Случаем к сей проповеди было чудесное насыщение Господом пяти тысяч народа пятью хлебами. Такое чудо заставило народ многочисленными толпами ходить за Ним по пустыне с тем, чтобы снова увидеть от Него подобное знамение. Заметив такую склонность к чувственному питанию, Спаситель почел за нужное возвести ум и сердце Своих слушателей к исканию пищи высшей и вместе указать им, где можно найти сию пищу: «отвеща... Иисус и рече: аминь, аминь, глаголю вам, ищите Мене, не яко видесте знамение, но яко яли есте хлебы, и насытитесь: делайте не брашно гниющее, но брашно пребывающее в живот вечный, еже Сын Человеческий вам

даст» (Ин. 6:26, 6:27). – Кто не пожелает такого брашна? Посему народ вдруг отвечал: «что сотворим, да делаем дела Божия; Отцы наши ядоша манну в пустыни, якоже есть писано: хлеб с небесе даде им ясти» (Ин. 6:28, 6:30). То есть, народ захотел, в доказательство Божественности Спасителя, увидеть от Него новое чудо, подобное манне, низведенной с неба Моисеем. И вот, сие-то самое желание народа новой манны дало случай Спасителю предложить ему учение о манне – Тела и Крови Своей. «Рече убо им Иисус: аминь, аминь глаголю вам, не Моисей даде вам хлеб с небесе: но Отец Мой дает вам хлеб истинный с небесе... Аз есмь хлеб животный: грядый ко Мне, не имать взалкаться, и веруяй в Мя, не имать взалкаться никогдаже» (Ин. 6:32–36). Ничего не могло быть величественнее языка сего, но для людей чувственных он показался весьма странным. «Роптаху убо Иудее о Нем, яко рече: Аз есмь хлеб сшедый с небесе. И глаголаху: не сей ли есть Иисус сын Иосифов, Его же мы знаем отца и Матерь; како убо глаголет Сей, яко с небесе снисхох?» (Ин. 6:41–42). То есть, Иудеи приняли вышесказанные слова Спасителя в самом чувственном и грубом виде. Что же Господь? Он указал только на источник их маловерия, и продолжал Свою проповедь. «Отвеща убо Иисус и рече им: не ропщите между собою: никто же может прийти ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его, и Аз воскрешу его в последний день... Аз есмь хлеб животный: отцы ваши ядоша манну в пустыни и умроша: сей есть хлеб сходяй с небесе, да, аще кто от него яст, не умрет: Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе: аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки: и хлеб, его же Аз дам, Плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира» (Ин. 6:43–51).

Такое прямое и сильное указание Господа на Свое Тело, как на брашно, возбудило еще более недоумения в чувственных слушателях, кои думали, что им дано будет в пищу Тело Иисуса Христа в том самом виде, в каком оно было пред ними: «пряхуся же между собою жидове, глаголюще: как может сей нам дати плоть свою ясти?» Но Господь, несмотря на сие, опять еще сильнее и раздельнее подтвердил сказанное прежде. «Аминь, аминь глаголю вам, аще не снесте Плоти Сына

Человеческого, ни пиете Крови Его, живота не имате себе. ядый Мою Плоть, и пияй Мою Кровь, иметь живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день. Плоть бо Моя истинно есть брашно, и Кровь Моя истинно есть пиво. ядый Мою Плоть, и пияй Мою Кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем. Яко же посла Мя живой Отец, и Аз живу Отца ради: и ядый Мя, и той жив будет Мене ради. Сей есть хлеб сшедый с небесе: не якоже ядоша отцы ваши манну, и умроша: ядый хлеб сей, жив будет во веки» (Ин. 6:53–58). После сих слов нельзя уже было сомневаться в том, что обещается действительное вкушение Тела и Крови Учителя. Но это показалось так странным для многих из самых учеников Господа, что они невольно пристали к иудеям, говоря: «жестокое есть слово сие: (и) кто может его послушати» (Ин. 6:60)! Но Господь, несмотря на сие, опять подтвердил истину Своих слов во всей их силе, присовокупив только, что глаголы, кои они слышат от Него, «дух... и живот суть»; почему и не должно брать их в том плотском виде, в каком брали их соблазнявшиеся ученики (Ин. 6:63). Даже и после, когда немалое число учеников, не вразумившись объяснением Учителя, соблазнились Его проповедью до того, что «идоша вспять, и ктому не хождаху с Ним» (Ин. 6:66), Богочеловек и тогда нисколько не переменял Своей беседы, а только спросил оставшихся двенадцать: «еда и вы хотите ити?» (Ин. 6:67). То есть, явно, готов был, так сказать, скорее отпустить от Себя и последних учеников, как ни дороги они были для Него, нежели расставаться с предметом проповеди, не открыть всему миру Божественной пищи – Тела и Крови Своей.

Что должны мы, братие, взять для себя в особенное назидание из сей проповеди Спасителя? То, во-первых, что вкушение Тела и Крови Его не есть что-либо для нас неважное, без чего можно обойтись, а нечто существенно нужное, необходимое для всех нас, такое, без чего нельзя иметь живота вечного. А печальное событие с учениками Спасителя, так сильно соблазвившимися учением Его о Телe и Крови Своей, как о духовном брашне, должно дать знать нам, что, приступая к Божественной трапезе, всего менее должно предаваться

собственным мыслям и недоумениям, а следовать прямо за словами и обещанием Господа, как бы они ни казались нам высокими и неудобноисполнимыми. Впрочем, теперь, когда мы видим, в каком виде преподается Тело и Кровь Господа, опасения капернаумских иудеев, думавших, что их будут питать телом и кровью человеческой, в собственном их виде, не могут иметь у нас и места.

Истинные ученики «слова животного» не преткнулись, однако же, и тогда о высоту сего слова, как оно ни было неуместительным для многих; Петр, на вопрос Спасителя: «Еда и вы хотите ити?» решительно отвечал за всех: «Господи, к кому идем? глаголы живота вечного имаши» (Ин. 6:68). Что это был не один порыв святого чувства души, не одно мгновенное излияние любви к Учителю, показало самое дело. Ибо когда пришло время Самому Учителю от слова обратиться к делу, то есть, преподать на Тайной вечери самое Тело и самую Кровь, в учениках не обнаружилось тогда ни малейшего недоумения. Памятуя обещание Учителя преподать им сие Божественное брашно, они приняли его со всей верой и любовью, без всякого недоумения, без всяких вопросов.

Это произошло, как известно, на последней вечери пасхальной, в навечерие страданий и смерти Господа. Среди многих знаменательных и трогательных обрядов сей Божественной вечери, Спаситель взял хлеб, благословил его, преломил: но, подавая его ученикам, вместо обыкновенных слов, сказал: «приимите, ядите, сие есть тело Мое!» (Мф. 26:26). Больше не было ничего сказано, ибо и не было нужды говорить более; поскольку ученики знали уже твердо, что кто не вкусит сего таинственного брашна – «не узрит живота». Подобным образом, взяв по вечери чашу и подавая ее ученикам, Господь сказал: «приимите... и... пиите от нея еси: сия... есть Кровь Моя, Нового Завета, яже за многия изливаема во оставление грехов!» (Мф. 26:27–28). Ученики, вразумленные в таинство прежде, опять в безмолвии причастились Крови своего Учителя и Господа. «Сие творите, – присовокупил Господь, – в Мое воспоминание» (Лк. 22:19), давая через сие знать, что это таинство не на сей только случай, не в знак

прощания с учениками, а навсегда, в знак вечного пребывания Его со всеми верующими, «до скончания века» (Мф. 28:20).

Можете представить, братие, как драгоценным должно было сделаться повторение сего таинства для учеников Иисусовых, когда они разлучились с Ним, по вознесении Его на небо! – Таинственный хлеб и вино, или, лучше сказать, Тело и Кровь Богочеловека, соделались единственным брашном, коим питались святые души их, укрепляясь на все великое, многотрудное и святое. «По вся... дни терпяще, – так говорит книга Деяний апостольских о апостолах и их учениках, – единомудушно в церкви, и ломяще по домом хлеб, приимаху пищу в радости и в простоте сердца» (Деян. 2:46). Приходили ли куда на труды апостольские, – первым делом было вспомнить с верными смерть Господа и приобщиться святой трапезы любви. Отходили ли куда и прощались с "чадцами" по вере, – последним знаком единомушия было опять вспомнить смерть Господа, преломить таинственный хлеб и вкусить от чаши завета. Ожидали ли сошествия Святаго Духа, – причащались. Приготовлялись ли на исповедание имени Иисуса пред тиранами, или на мучение и смерть, – причащались. Страдали ли от болезней и искали исцеления, – причащались. Евхаристия была всем для всех. По сему самому, несмотря на важность таинства, священный обряд совершения его долго оставался в первобытной простоте. Молились, каялись во грехах, плакали, и приобщались. Святой Павел соединил с Евхаристией проповедь, потом присоединилось пение различных псалмов и чтение различных мест Священного Писания. Апостол Иаков совокупил все сие в определенный вид литургии; а святой Василий Великий, святитель Златоуст и святой Григорий Двоеслов дали ей, наконец, тот вид, в коем она совершается доныне.

Нужно ли говорить о достоинстве святого труда их? Что-либо лучше нашей литургии увидим, разве когда только будем на небе. Здесь – на святой проскомидии, во время приуготовления Божественных Даров, символически предызображается жизнь и Крестная смерть Сына Божия, подобно тому, как они были предызображены в символах и

обрядов Ветхого Завета. Потом, в первой части литургии, при первом выходе из алтаря священнодействующих с Евангелием, Спаситель Сам как бы снова является в мир и исходит на проповедь, которая слышится потом в чтении Апостола и Евангелия. За сим, при втором выходе из алтаря священнодействующих со Святыми Дарами, представляется последнее шествие Господа во Иерусалим на страдание и Крестную смерть, после чего, среди различных молитв, как бы повторяется последняя вечеря Господа с учениками, слышатся самые слова Его, сказанные Апостолам о Телѣ и Крови Его, и совершается самое таинство Евхаристии через призвание на Святые Дары благодати Пресвятого Духа. В последней части литургии, с новым отверстием Царских врат, как бы видимо отверзается гроб Господень для воскресения, и самое небо – для принятия Воскресшего, что самое чувственно изображается обратным перенесением останка Святых Даров с Престола на жертвенник. Таким образом, кто с полным вниманием присутствует при литургии, тот каждый раз видит перед собой, можно сказать, всю земную жизнь Господа от начала до конца.

Так предуготовлялась Божественная трапеза Тѣла и Крови Христовой, так учредилась в свое время, и так сохранилась до наших дней! Много веков прошло в приготовлении ее! Оттого-то языческие предки наши, когда увидели в первый раз совершение литургии в Цареграде, то подумали, что их каким-либо чудом прѣставили с земли на небо!..

Велика честь была бы, братие, если бы нас, с нашим недостойнством, допустили токмо к созерцанию толиких тайн. Но, вот, мы все призываемся к самому вкушению Божественной трапезы! – «Видите убо, – дерзну сказать с Апостолом, – видите, какову любовь дал есть Отец нам», – для чего дал? Для того, – отвечает Апостол, – «да чада Божия наречемся, и будем» (1Ин. 3:1); дабы преизбытком любви отеческой к нам произвести и в нас сыновнюю любовь к Нему. Останемся ли убо хладными и среди сего пламени Божественной любви? Да не будет! Сильнейших средств к согреванию и оживлению любовью сердца нашего нет более у самой любви Божественной. Аминь.

Слово на литургии преждеосвященных даров в пяток недели 1-й Великого поста, о причащении

Когда израильтянам, во время странствования их в пустыне Синайской, ниспослана была в первый раз с неба манна, то они, не видав никогда подобного зрелища, в недоумении вопрошали друг друга: «что есть сие?» и Моисей в слух всех должен был отвечать: «сей хлеб, егоже даде Господь вам ясти!» (Исх. 16:15). О нашей манне, братие, хотя она также нисходит с неба и стократ чудеснее манны еврейской, нет нужды вопрошать: что есть сие? Ибо все мы, от мала до велика, твердо знаем, что в Евхаристии под видом хлеба приемлется самое пречистое Тело, а под видом вина – самая пресвятая Кровь Христова. И от кого знаем о сем? Не от Моисея, не от Павла или Иоанна (хотя и их слова божественны), а от Самого Господа и Спасителя нашего. Он Сам, питающий нас Телом и Кровью Своею, Он Сам сказал нам о сем со всей ясностью. Ему ли не знать Тела и Крови Своей? Или не уметь назвать их ясно?..

Если бы кого-либо и за сим приводила в недоумение великость дара, тот вспомни о величии и любви к нам Даятеля: дар велик, но Даятель несравненно больше! В самом деле, Кто сотворил самый хлеб и вино, самое тело и кровь, Тому трудно ли под видом хлеба дать тело, а под видом вина – кровь? С другой стороны, Кто отдал за нас не только тело, но и душу Свою на Голгофе на мучения самые ужасные, Тот, удивительно ли, если дарует нам Свое Тело и Свою Кровь снова – без всякого нового мучения и страданий для Него, и с новой величайшею пользой для нас? И хлебу и вину не в первый раз забывать свою ограниченность: не напитано ли пятью хлебами пять тысяч народа так, что, по насыщении, осталось еще двенадцать кошиц, то есть более, нежели сколько было до вкушения? И вода не обращалась ли в кровь, по слову Моисея, в Египте, и в вино – по воле Спасителя, на браке – в Кане Галилейской? Обратись каждый к себе самому, и в себе увидишь нечто подобное: ибо разнородная пища и питье, нами

приемлемые, ежедневно предлагаются в наше тело и кровь. Даже можно сказать, что законом подобного преложения, или пресуществления, держится в бытии все разнообразие внешней природы, в круге коей один вид тварей непрестанно переходит в другой, из низшего в высший, и обратно. Что же удивительного, если Сам Творец, в таинстве Евхаристии, производит, разумеется, бесконечно высшим образом то, что, под известными условиями, происходит в самомалейшем из Его творений?

«Но какая, скажешь, необходимость в сем чудесном преложении хлеба в тело, а вина в кровь?» Та же, какая и во всех прочих чудесах: чудо пресуществления совершается в помощь твоей немощи. Ибо, несмотря на Божественность дара, кто из нас был в состоянии принять Тело и Кровь Спасителя, если бы они подавались нам в их собственном виде? Летописи церковные свидетельствуют, что, для вразумления ли неверия, или по другим таинственным причинам, Агнец на святой трапезе принимал иногда вид младенца, а хлеб и вино обращались в видимое тело и кровь: но, вместо радости о чуде, священнодействующие в ужасе отступали от священной трапезы, и Святая Церковь принуждена была писать на сей случай правила успокоительные. Имея в виду сие, Премудрость Божия положила питать нас брашном небесным не иначе, как под видом брашна земного.

Спросишь, может быть, еще: «Каким образом прославленное Тело Спасителя, пребывая с душой, как учит Святое Писание, одесную Бога Отца, и не будучи вездесуще, может находиться на каждом святом жертвеннике, и с другой стороны, как сие же Тело и Кровь, непрестанно раздаваемые, не подлежат умалению?» А как, возлюбленный, светит солнце? Вездесуще ли оно? Нет. Оставляет ли оно когда-либо свое место на небе? Никогда. А, между тем, свет и теплота от солнца везде, везде жизнь и радость. И вчера ли, или с третьего дня начало светить таким образом солнце? Нет, со времени этого более шести тысяч лет. Однако же солнце несколько не умаляется в своем круге, не истощается в своей силе. Итак, вот, можно сказать, с неба ответ тебе на вопрос твой! Что возможно

солнцу, то трудно ли для Того, Кому легче возжечь новое солнце на небе, нежели нам с тобой засветить свечу? Этот же пример солнца, может объяснить сравнительно и то, как Тело Христово пребывает целым, хотя хлеб в таинстве Евхаристии раздробляется и разделяется непрестанно: ибо возьми зеркало и поставь против солнца, в нем отразится весь круг солнца; разбей зеркало, и возьми какой угодно из остатков его, и поставь против солнца, опять увидишь в нем весь круг солнца.

Но довольно недоумений и ответов; спросим лучше: какая цель столь великого Таинства? Цель величайшая, Божественная! «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, – говорит Сам Спаситель, – во Мне пребывает и Аз в нем» (Ин. 6:56). Быть едино с Господом всяческих – есть верх совершенства для нас; – и, вот на сей-то верх восходим мы посредством таинства причащения: ибо кто причащается Тела и Крови Христовой, тот по сему самому уже не может не быть в теснейшем соединении со Христом. Правда, со Христом можно и должно соединяться особенно духом, так как и сказано: «прилепляйся... Господеви един дух есть с Господем» (1Кор. 6:17); но человек состоит не из духа только, а и тела; Сам Господь принял от естества нашего не одну душу, а и тело; посему для соединения с Ним всецелого и совершенного потребно соединение не только по духу, а и по плоти. Как же произвести его? С нами телесно Господь соединился тем, что приял, можно сказать, от всех нас плоть человеческую; а мы с Ним соединяемся телесно тем, что все приемлем от Него в Евхаристии Плоть и Кровь Его собственные. Союз обоесторонний, самый полный, и потому самому теснейший и неистощимый по его последствиям! По силе сего союза, как Он – Спаситель наш, есть «кровный» нам; так мы «есмы ...от плоти... и от костей Его» (Еф. 5:30). поскольку же с естеством человеческим в Спасителе нашем соединено Само Божество со всею полнотой совершенств; то, соединяясь таким образом со Христом, мы причащаемся, – по выражению апостола, – самого «Божественного естества» (2Пет. 1:4).

Плоды сего дивного обожения раскроются для нас во всей полноте и силе своей там, на новой земле и под новым небом:

но и здесь, в этой жизни, они так велики и чудесны, что выходят даже из круга разума нашего бедного рассудка. Внемлите!

Кто вкушает Тела Христова, как должно, тот, во-первых, таинственно насыщается на всю вечность; равным образом кто пьет Кровь Христову, как должно, тот удовлетворяет жажду своей также на всю вечность. Дивитесь словам моим? Но так говорю не я, а Тот, Чьего Тела и Крови мы причащаемся: «Аз есмь хлеб... грядый ко Мне не имат взалкати, и веруяй в Мя не имат вжаждатися» (Ин. 6:35). И что, впрочем, в сей истине так странного? Не так ли и в обыкновенном употреблении вещей, что кто вкусил чего-либо самого сладкого, у того надолго исчезает охота ко всему прочему, менее приятному? Что же выше и, если можно так сказать, питательнее Тела и Крови Сына Божия? Когда бы и сие Божественное брашно не в состоянии было насытить сердца человеческого, то что другое могло бы наполнить его? И неужели ему алкать и жаждать вечно?

Если нам трудно насытиться Телом и Кровью Господа, то не потому, чтобы наше сердце было слишком пространно, а потому, что оно закрыто и не может вместить Господа, дабы насытиться Им навсегда. Но посмотрите на святых Божиих! – «Что ми есть на небеси», – восклицает один из них, который при том не причащался трапезы Господней так видимо, как мы, а приступил к ней только в духе и созерцании, – «что... ми есть на небеси, и от Тебе что восхотел на земли»: Ты еси Бог сердца моего, «часть моя, Боже во век!» (Пс. 72:25). То есть, как бы так сказал Давид: не хочу ничего ни на земле, ни на небе, ибо Ты один для меня все!

Второе особенное действие таинства причащения состоит в том, что причащающийся Тела и Крови Христовой бывает свободен от смерти. Опять дивитесь! Выслушайте же опять слова Спасителя: «Аз есмь хлеб животный», – так говорил Он иудеям. «Отцы ваши ядоша манну в пустыни, и умроша. Сей есть хлеб, сходяй с небесе, да аще кто от него яст не умрет» (Ин. 6:48–50). И чтобы кто не подумал, что это сказано наскоро, без особенной цели, и потому не должно быть принимаемо строго, Спаситель ту же самую мысль выражает потом другими,

подобными словами: «Аз есмь хлеб животный... сшедый с небесе: аще кто съест от хлеба сего, жив будет во веки» (Ин. 6:51). Мало сего: Спаситель указывает потом на причину и на самое основание, почему должно быть так, а не иначе; то есть, почему истинный причастник Тела и Крови Христовой не может подлежать смерти. «Якоже посла Мя живой Отец, и Аз живу Отца ради: и ядый Мя, и той жив будет Мене ради» (Ин. 6:57). Отец Мой, – как бы так говорил Господь, – есть жизнь высочайшая и всесовершенная, и источник всякой жизни: а как Я от Него пришел, и есмь с Ним едино; то и во Мне та же самая жизнь; и Я есмь источник жизни для всего живущего. Но кто вкушает Тело и Кровь Мою, тот соединен со Мной подобно тому, как Я соединен с Отцом; посему и в нем не может не быть жизни, тем паче не может быть смерти: «и той жив будет Мене ради». Видите силу умозаключения Христова? Причащающийся не может умереть по тому самому, почему не может подлежать смерти Сам Он!

Но, как же, скажете, умирают самые святые? А кто сказал вам, братие, что святые умирают? На языке Святой Церкви (а язык Церкви один имеет силу в сем случае), смерть святых никогда не называется смертью, а успением и преставлением. И совершенно правильно! Ибо так называемая смерть святых совсем не то, что смерть для нас, а, можно сказать, есть совсем противное. Ибо для нас смерть, во-первых, есть предмет ужаса и отвращения, а для святых – предмет желания и радости. "Желаю..., – говорит святой Павел, – разрешитися и со Христом быти» (Флп. 1:23); «окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея?» (Рим. 7:24). Видишь, что апостол называет смертью? Не смерть, – она для него избавление, – а настоящую жизнь свою. Во-вторых, час смерти для нас есть час обнаружения всей нашей слабости, всего лишения, начало нашего небытия для мира: а для святых смерть есть время наибольшего открытия их совершенств, начало их Небесного Царствия со Христом. Ибо, по смерти они делаются ходатаями пред Богом за целые народы, начинают являть такие действия, коим дивится весь мир. По самому телу своему святости Божии в смерти, видимо, торжествуют над смертью; ибо, тогда как наши

тела через малое число дней предаются тлению, и сим тлением гонят всех от себя, самых ближних наших, – тела святых остаются невредимыми в продолжение тысячелетий, и на воню мира их стекаются грады и веси. После сего, суди сам, правильно ли сказано о причащающемся воистину Тела и Крови Христовой, что он не умрет, а будет жить во веки? Если он не остается навсегда в этой брэнной жизни, в этом брэнном теле; то потому, что оставаться в них навсегда было бы для него не наградой, а тяжким наказанием, не жизнью вечной, а вечным умиранием.

Третий чрезвычайный плод причащения Тела и Крови Христовой, по слову Самого же Спасителя, состоит в том, что они служат для причащающегося ближайшим залогом его будущего воскресения плотью в жизнь вечную. «Ядый Мою Плоть и пий Мой Кровь, – говорит Спаситель, – имат живот вечный и Аз воскрешу его в последний день» (Ин. 6:54). Тут, пожалуй, опять место вопросу, отчего воскресение усвоится особенно тем, кои причащаются Тела и Крови Христовой? Не принадлежит ли оно и всем умирающим, по сказанному: «грядет час, в онъ же еси сущи во гробех услышат глас Сына Божия... и услышавше оживут»? (Ин. 5:25–28). Так, все воскреснут, но не одинаково, не только по цели, – ибо одни воскреснут для мучений, а другие для блаженства вечного, но и по образу воскресения; ибо одни воскреснут по силе одного всемогущества, имеющего на них воздействовать, а другие по силе сего всемогущества и вместе по действию внутреннего благодатного предрасположения к воскресению и жизни вечной. Посему в словах Спасителя: Аз воскрешу его, хотя они сказаны, по-видимому, просто и вообще, надобно предполагать особенную силу и особенную мысль. «Аз воскрешу его», то есть: «Я Сам, а не труба Архангела; воскрешу его, как живой член собственного Моего Тела, с коим Я неразрывно соединен, и в коем жил доселе, который существенно никогда и не умирал, ибо пребывал во Мне и Аз в нем. Я воскрешу или паче возбужду его, как возбуждают от сна: только явлюсь миру, и он сам воспрянет и устремится ко Мне неудержимо; ибо в нем – Тело и Кровь Моя, ибо Я и он – едино!» С сей стороны на

причащение Тела и Крови Христовой должно взирать, братие, как на особенное некое приуготовление нас к будущему нашему воскресению. Будучи сами нетленны и живоносны, Тело и Кровь Христовы вносят с собой и в наше бренное тело семя бессмертия, и служат к изгнанию из него того ужасного семени тли, которое всеялось в него от плода запрещенного. Посему-то святой Игнатий Богоносец называл Евхаристию «врачевством бессмертия».

«Следовательно, – может подумать при сем кто-либо, – так как действие лекарств зависит от неопустительного приема их, то стоит только чаще приступать ко причащению Святых Тайн, дабы достигнуть всех чудесно-благодатных действий сего таинства». Нет, возлюбленный, и еще повторю – нет! Тебя смущает пример лекарства; но присмотришь к нему получше, и ты сам увидишь противное. Неопустительный прием лекарств действует сильно; но всегда ли? Нет, а только в тех случаях, когда принимаемые устами лекарства приемлются и усваются и внутрь нас нашими органами питания, и разливаются от них правильно по всему составу тела, а наипаче по тем его частям, кои особенно страдают от болезни и служат для нее седалищем. В противном случае, то есть, когда нет сего внутреннего усвоения лекарств; когда они не соединяются с нашими соками и кровью, то сколько ни принимай лекарств самых лучших, прием их не поможет здоровью, а еще обратится во вред. Подобное сему разумеи и о Евхаристии. Чтобы врачевство Тела и Крови Христовой оказало над нами все свое действие, – для сего, кроме принятия их устами телесными, надобно, чтобы они были приняты устами сокрушенного и смиренного сердца; чтобы посредством живой веры вошли во внутренность нашего существа; чтобы, растворенные любовью, соединились с силами нашего духа и тела; чтобы благодатью Духа Святаго обратились в сок и кровь нашу. Без сего, хотя бы ты непрестанно приступал к святой трапезе, хотя бы ничего другого не вкушал, кроме Тела и Крови Христовой, они не произведут над тобой своих действий благодатных, потому что не усвоены тобой.

Что нужно для сего усвоения? То самое, на что указали мы сейчас. Для сего потребно, **во-первых**, искреннее сознание своего недостойнства, живое чувство своей духовной и телесной бедности, от коего происходит глад и жажда Тела и Крови Христовой, как единого брашна, могущего насытить нас, как единого врачевства, могущего исцелить недуги наши. Сим чувством смирения существо наше упраздняется от всего враждебного Божественному врачевству, приуготовляется внутри нас для сего врачевства место и отверзается ему вход. Требуется, **во-вторых**, живая вера в Господа Иисуса Христа и Его ходатайственные заслуги, в действительность Тела и Крови Его в Евхаристии, и в благодатную силу их на освящение души и тела нашего. Сею верой, как духовными устами, приемлется Божественная манна, и усвояется всем силам существа нашего. Требуется, **в-третьих**, живая любовь к Спасителю, которая, растворяя, так сказать, теплотой своей наше тело и кровь с Его Телом и Кровью, усвояет нам последние и обращает в нашу вечную собственность. Требуется, наконец, святая решимость, по таинственном соединении со Христом, оставаться навсегда живыми членами Его, блюстись от всякие скверны плоти и духа, и ходить достойно нового высокого звания своего. Сею решимостью запечатлевается действие Божественного врачевства, и предотвращается возврат болезни.

Се требование Тела и Крови Христовой! Можем ли сказать, чтобы какое-либо из них было не нужно, или неудобоисполнимо? Со смирением убо, с верой, с любовью и с твердой решимостью блюстись от греха, приступим, возлюбленные, к чаше Завета, – да тако причастницы жизни вечной будем! Аминь.

Слово на утрине, в субботу недели 1-й Великого поста, о причащении

В надежде, что представление величайшей важности и чрезвычайных духовных плодов, от причащения Святых Тайн, расположить каждого из нас приступить к принятию их со всей верой и любовью, со всей решимостью сохранить принятый дар в чистоте совести и жития, мы хотели было сим самым окончить собеседование наше о Таинстве Евхаристии, не касаясь опасных последствий от недостойного причащения. Но потом пришло на мысль, что мы поступим нехорошо, если сокроем опасность. Некоторые могут впасть в нее именно по неведению того, что угрожает недостойным причастникам Тела и Крови Господней. И кто, после них самих, будет подлежать ответу за сие, как не пастыри и учителя Церкви, не предостерегшие их от опасности? Посему дослушайте теперь то, что не досказано прежде. Нерадостное должно сказать, но нерадостное только для тех, кои захотят безрассудно сами себя лишить вечного радования о Господе.

Что бы вы думали, братие, вкушает тот, кто причащается Святых Тайн не с должным расположением духа и сердца? Не Тело и Кровь Христовы, а один простой хлеб и вино? Ах, и это было бы уже великое лишение! «Но дарования... Божии не раскаянны» (Рим. 11:29); посему и недостойные, равно как и достойные, приемлют истинное Тело и истинную Кровь Господа. Но сие-то самое счастье и обращается для них в величайшее несчастье, потому что Божественное брашно, которое истинным причастникам служит в оставление грехов и в жизнь вечную, для ложных ведет за собой суд и осуждение. «Ядый бо и пияй недостойне, – по слову апостола, – суд себе яст и пьет» (1Кор. 11:29). И заметьте силу выражения апостольского: не говорит подвергает себя суду; «а суд яст и пьет»; то есть несчастный сам не только произносит на себя суд, но и вносит его в себя, совершает над собой. Так неотразимо в сем случае наказание за преступление! Иначе и быть не может, судя по важности вины. Ибо в чем виновен ложный причастник? В том, что есть

самого преступного: он "повинен", – по слову апостола, – «Телу и Крови Господа», то есть смерти Господней. Может ли быть вина тягче сей вины? И распинатели Господа виновны были в сем ужасном преступлении; но виновны не столько, как худой причастник, потому что они или вовсе не знали, или знали несовершенно, кого распинают. «Аще бо быша разумели, – говорит апостол, – не быша Господа славы распяли» (1Кор. 2:8). Но ныне недостойный причастник не может не знать, кого распинает: он распинает своими грехами именно Господа славы; потому что с младенчества сто раз слышал и непрестанно слышит, что Иисус Христос, Коего он Тела и Крови причащается, есть Единородный Сын Божий, истинный Бог и Творец всего видимого и невидимого. И такое-то Существо – всемогущее, всеведущее, он презирает!.. И как презирает и оскорбляет? В собственном Телу и Крови Его!.. В самом высшем даре Его любви! В том таинстве, учреждение коего стоило Ему смерти крестной!.. Такое преступление, скажем словами Златоуста, каких не заслуживает молний и громов?

Громы сии до времени молчат, молнии сии до predetermined дня и часа невидимы; долготерпеливый и многомилостивый Спаситель и Судия наш, отлагая суд на будущее и дая место покаянию, терпит оскорбления, наносимые Телу и Крови Его, с тем же безмолвием, как Он терпел биения и заушения во дворе Каиафы и Пилата. Но Божественные дары, принятые нераскаянным грешником, без всякого особенного распоряжения Промысла, сами по себе, как огонь Божественный, попаляя, по существу своему, недостойные, могут оказывать в грешнике великое карательное действие. Так, в Церкви Коринфской, по свидетельству апостола Павла, из недостойных причастников многие подвергались за свою вину тяжким болезням и самой смерти. Так, в Церкви Карфагенской, по свидетельству святого Киприана, один недостойный причастник, вдруг, после причащения, сделался немым, а у другого расторгся надвое язык. Так во времена Златоуста, по словам его, недостойные причастники подвергались иногда видимо мучениям от злых духов. Кто поручится, что и ныне недостойное причащение не сопровождается подобными

следствиями? Если мы не замечаем их, то, может быть, именно потому, что не замечаем, не обращаем на сие дело никакого внимания, вовсе не думаем, чтобы за недостойным причащением могло следовать что-либо. А как не следовать чему-либо, когда мы в таинстве причащения приемлем в себя, по выражению Церкви, огонь Божественный? Как не следовать чему-либо от вкушения Тела и Крови Господней, когда и употребление обыкновенного брашна и питья сопровождается нередко важными последствиями? Сильные и решительные врачевства всегда такого свойства, что если не производят спасительных действий, то сопровождаются великой опасностью для приемлющих. А какое врачевство сильнее и решительнее Тела и Крови Сына Божия?

Вот что, братие, почел я за долг открыть пред вами, дабы всякий знал и ведал, что с святейшим таинством нельзя поступать, как с вещью безразличной. Нет, суд таковых не дремлет, не дремлет!..

Слова нерадостные! Но для кого нерадостные? Для тех, кои сами себя произвольно и безрассудно лишают радости, не имея ни малейшего на то извинения. Ибо какое извинение? Если бы для достойного причащения требовалось высоких добродетелей, особенных подвигов, то можно было бы сказать, что к сему способен не всякий. А от нас чего требуется? Веры – кто же не способен к ней? Смирения – может ли не иметь его грешник? Любви ко Спасителю – Его ли не возлюбить всем сердцем? Решимости жить отселе и действовать не по своим похотям, а по воле Божией – а от сего кто может отрицаться? Для чего иначе и приступать к чаше Завета, как не для сего самого?

Таким образом, что есть нерадостного в сем нашем собеседовании, то нерадостно не для вас, кои намерены приступить ко причащению Святых Тайн с верой, смирением, любовью и твердым желанием посвятить жизнь свою Господу. Для вас в чаше Завета – один мир, одна любовь и одна радость о Дусе Святе! Аминь.

Слово в субботу недели 1-й Великого поста, по причащении Святых Таин

Куда пошли из-за Тайной Вечери апостолы? Они пошли с Учителем и Господом своим в Гефсиманию, чтобы там бодрствовать и молиться, страдать и уповать. А куда пошел Иуда? Он пошел один, к врагам Иисусовым, за спирой и слугами, чтобы взять и предать им своего Учителя и Господа. От одной и той же Божественной трапезы – какие два различных плода!.. Из одного и того же святого места – какие два противоположных пути!..

Куда привел путь апостолов? Сначала в Гефсиманию и на Голгофу, потом на Елеон, потом в Сионскую горницу, а потом – на небо... А путь Иудин? Он привел сначала в чертоги Каиафы, потом завел было несчастного на некоторое мгновение ко храму, но потом – и скоро, привел к погибельному дереву, а с него – в ад!.. До того различна была участь первых причастников Тела и Крови Христовой! Отчего такое (ужасное!) различие? От благой и злой воли. Благая воля привела апостолов на небо; злая воля низвела во ад Иуду. И Петр падал, но встал; то же было бы и с Иудой, если бы покался и сотворил плоды, достойные покаяния.

Идет ли кто ныне путем апостолов? Идет тот, кто, причастившись Тела и Крови Христовой, почитает себя через то самое неразрывно и навсегда соединенным со Христом; а посему следует за Ним всюду, куда ни поведет Он, на Фавор или в Гефсиманию; кто, принадлежа Спасителю своему всем существом своим, старается уподобляться Ему во всем, мыслить так, как мыслил Он, говорить так, как говорил Он, жить и умереть, как жил и окончил земную жизнь Он!

Нейдет ли кто и ныне путем Иудиным? Идет тот, кто, принимая Тело и Кровь Господа в Евхаристии, принимает их как простой хлеб и вино, и почитает себя через то ничем необязанным своему Спасителю; кто в храме показывает некое уважение к Святыне и, когда говорят о грехах и измене закону, готов, подобно Иуде, спросить: не я ли, Господи? А за храмом

явно покланяется миру и его кумирам, продает безстыдно веру и закон, стыд и совесть.

Таков и ныне путь апостолов и путь Иудин!

Пред вами оба пути: и один какой-либо непременно избрать должно! «Иже несть со Мною, на Мя есть», – сказал Сам Господь (Лк.11:23).

Итак, с кем вы? С кем, не здесь и теперь в храме, а там, где встретит вас искушение; где, может быть, надобно будет или приять честь и богатство несправедливые, или идти на крест за правду?.. Но, вы уже избрали, что должно; каждый из вас сказал: я не дам Тебе лобзания Иудина! Смотрите – не давайте же сего адского лобзания! Иначе оно будет некогда жечь уста и сердце ваше пламенем адским!

Каждый из вас обещал исповедывать Господа, подобно благоразумному разбойнику: смотрите – исповедайте же! В случаях к сему не будет недостатка; ибо мир и теперь тот же, что был прежде: весь во зле лежит и к злу всех влечет.

Стойте же мужественно против сего зла и в себе, и в других! Не возвращайтесь на прежнее! Благоразумный разбойник, если бы ему удалось сойти с креста живым, без сомнения, посвятил бы всю остальную жизнь Господу, и соделался бы ревностнейшим из учеников Его.

Посвятим и мы все остальное время жизни нашей Ему же Всеблаговому, дабы в час смерти услышать от Него: «днесь со Мною будеши в раи» (Лк.23:43)! Аминь.

Слово в субботу недели 1-й Великого поста, на вечерне

Наконец поприще святого говения вами окончено! За малый подвиг лощения и молитвословий вы прияли отпущение грехов, а ныне удостоились причаститься самого Пречистого Тела и самой Животворящей Крови Господа!.. Видите ли теперь разность служения миру и Богу? Чувствуете ли, как благ Господь к кающимся грешникам? Многие из вас долго блуждали на стране чуждой, служили со всем ослеплением богам иным: а Он, при малом обращении вашем к Нему, приял всех вас как чад, облек одеждой невинности и ввел в светлый чертог Свой! Мир истощал ваши силы, разъедал, можно сказать, вашу плоть и кровь; а Господь Спаситель напитал всех вас собственным Телом и собственной Кровью!.. Возблагодарите же вместе с нами Господа, падите еще раз пред сим престолом славы и любви Его; изреките снова обет быть верными Ему до смерти, и поспешите оправдать веру свою чистой жизнью! Пусть мир узнает, что вы не напрасно расставались с ним, что вы не бесплодно провели здесь время, что вы точно были во врачебнице душ и сердец.

И мир, братие, тотчас узнает сие, коль скоро вы останетесь верными своим обетам. Я не говорю, что вы сделаетесь совершенно безгрешными (это удел тех, кои уже разрешились от уз плоти и крови); но вы постоянно будете стараться быть как можно свободнее от греха. Дело спасения отныне начнет быть главным делом вашим, коему подчинятся все прочие дела и занятия; чистота сердца и совести соделается таким сокровищем, коим вы будете дорожить паче всех отличий и приобретений; мысль о приготовлении себя к вечности будет занимать вас каждый день, утро и вечер. Вследствие сего во всей жизни вашей и во всех отношениях должна произойти великая перемена: многое из того, что прежде трогало, занимало вас, будет оставлено навсегда; и, напротив, многое, о чем вы вовсе не думали, или думали мало, чего вы вовсе не делали, или делали редко, теперь будет любимым вашим

занятием; где вы прежде были высокомерны, горды, там увидят вас кроткими и смиренными; в чем не соблюдалось никакой умеренности, там наступит воздержание; многие из друзей, может быть, придут в совершенное забвение, а некоторые из врагов или людей нелюбимых сделаются друзьями. А смотря на все это, все, знавшие вас, принуждены будут сказать, что вы не те, что прежде; что с вами произошла необыкновенная перемена – на лучшее, на святое, на Богоугодное. Излишнее ли, братие, мы обещаем за вас, говоря таким образом? Не сего ли самого вы сами искали у подножия сего святого алтаря? Не за здоровьем ли душевным приходили к нам? Прощение изречено, завет с Богом восстановлен, право на спасение принято: ваш долг теперь сохранить принятое! Дары Господа нераскаянны – да будет нераскаянно и покаяние ваше! Без сомнения, для сего потребуются с вашей стороны немало усилий: надобно будет вытерпеть различные искушения, принести не одну жертву, разорвать много нечистых уз, сражаться иногда со грехом до крови; ибо, если когда, то теперь мир нападет на вас с своими соблазнами, плоть восстанет с своей силой и с своим бессилием; сам дух злобы ожесточится во брани противу вас. Но, звания святого причастницы! Разве вы сами думали когда-либо торжествовать победу без сражения со врагами спасения? Разве мир, коему служили вы, не требовал от вас непрестанных принуждений самим себе? Разве плоть не заставляла приносить себе тяжких жертв? Разве дух злобы даром предлагал «все царствия мира?» Так дорого покупая доселе собственную погибель, пожалеете ли вы чего-либо теперь для приобретения собственного спасения? Пожалеет ли чего-либо для сего Сам Господь и Спаситель ваш, когда уже преподал вам Самое Тело и Кровь Свою? Нет, если Его благодать преследовала вас, когда вы блуждали по стропотным путям греха, когда нагло изменяли вашей совести и Его святому закону, то теперь, когда вы обратились к Нему всецело и навсегда, когда всем сердцем будете любить Его и сражаться за Него; теперь сия всемогущая благодать прольется над вами всеми благословениями, будет непрестанно вразумлять и наставлять вас, укреплять, утешать, хранить и

оживлять. Итак, воодушевитесь мужеством, соберите все благие помыслы и чувства, сосредоточьте все силы ума и воли в деле вашего спасения, и начните, немедленно начните совершать его!.. Если бы для сего потребовалось чего-либо снова с нашей стороны: вразумления ли, утешения ли, молитвы, или новой исповеди – приходите за сим когда угодно, требуйте смело всего, что для вас нужно, не щадите ни времени, ни покоя нашего; мы на то призваны; ваше спасение есть наш долг, наша пища, наш покой, наша радость и спасение!..

Паче же всего обращайтесь, как можно чаще, с сердечной молитвой к Самому Врачу душ и сердец, Господу Иисусу. Он Сам начал в вас дело спасения; Он Сам один может и совершить его – и совершит, непременно совершит, если вы не воспрепятствуете тому своею неверностью!..

Аминь.